

Константин Фрес

**Последнее дело инквизитора.
Полюбить Тьму**

«Литнет»

2022

Фрес К.

Последнее дело инквизитора. Полюбить Тьму / К. Фрес —
«Литнет», 2022

Инквизитор Тристан расследует серию загадочных убийств. Убитые странным образом похожи на него самого. Означает ли это, что кто-то открыл охоту на неугомонного Зимородка? И что за таинственная герцогиня покровительствует ему и спасает в ситуациях, когда, казалось бы, выхода нет?..

Содержание

Глава 1. Охота на Тристана	5
Глава 2. Темный дом	19
Глава 3. Черное Приглашение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Охота на Тристана

Девчонка была чудо как хороша. Рыжая, гибкая, шустрая, яркая, как язык пламени. Такие в средние века танцевали на помостах, на площадях самых больших городов, и горожане щедро сыпали монеты в подставленный бубен.

– Инквизитор, – притворно строго тянет она, отступая в тень дома. Во мрак; дом полон мрака, но это не ночная темень. За окнами день. И только здесь, в доме, шевелящаяся и живая тьма... – Неужто у вас рука на меня поднимется?..

Сказала – и рассмеялась, звонко, беззаботно, словно эта мысль показалась ей очень абсурдной.

Она улыбается, показывая красивые ровные крупные зубы, встряхивает головой, откидывая на спину крупные кольца огненно-рыжих волос, и отступает еще. Слышен шорох ее босых ног по захламленному полу, в разрезе длинной юбки на миг ослепительно-белым сверкает красивое бедро. Под тонкой блузкой, сползшей с соблазнительного округлого плеча, в свете случайного луча света видны острые соски. И сама грудь – полная, колышущаяся, наверняка тяжелая и упругая.

Такую грудь приятно тискать, мять жадными пальцами, прижав извивающуюся девчонку к стене. Слушать ее стоны и всхлипы и кусать соски, чтоб они стали красными, ярче ягод...

– Вы не можете быть таким жестоким, инквизитор, – капризно тянет девчонка и закусывает губу. Так маняще, так сладко... Губы – как сочный плод. Как мякоть сладкого апельсина. Тронь – и польется сок, которым невозможно упиться досыта, все время будет мало...

Суккуб пускала в ход все свои чары, все свои силы.

Перед глазами плыло от вожделения, на языке мерещился вкус ее языка и ее нагретой солнцем кожи. Хотелось припасть к этой женщине, прижаться к ее пахнущему летом телу, и забыть обо всем. Хотелось так, что становилось больно от нетерпения и от желания.

Но суккубке этого показывать было категорически нельзя.

Безразличие и покой; и тогда она, может быть, уменьшит свое воздействие, и влечение будет не таким одуряющим и мучительным...

– Могу, – возразил Тристан, крепче сжимая рукоять верного ножа. – Я могу убить абсолютно любого, если под нарядной оберткой прячется зло.

– Вы такой жестокий, инквизитор, – с чувством говорит суккуб и обиженно надувает губы. – Как вам в голову-то пришло, что я зло. Я могу и обидеться.

– И что тогда? – поинтересовался Тристан.

Он уже несколько раз мог коснуться девчонки ножом, но все тянул. Каждый раз, когда его рука почти касалась ее тела, Тристан сжимал зубы, отводил руку, почти невидимую во мраке, и продлевал свои мучения. Нет, не сейчас. Еще немного. Еще совсем немного посмотреть на нее.

Вожделеть ее.

Думать о ней такие вещи, что кровь закипает в жилах.

Суккубы любят боль.

Они, смеясь, вытаскивают из души мужчины всех демонов, все потаенные, грязные желания и раздувают пожар страсти до такой степени, что и не замечаешь, как уже трахаешь ее, хлещешь по ее аппетитной заднице так, что она горит под ладонями, нарумяненная ударами, и трахаешь, трахаешь до одури горячее, сладкое, узкое тело...

– Тогда, инквизитор, – посмеиваясь, ответила девчонка, – ваши грешные и такие соблазнительные мечты не исполнятся. Ни одна из них... нет, нет и нет! Я же слышу, как вы хотите меня. Слышу, как бушует кровь в ваших венах. И ваши мысли, грешный святоша, я тоже слышу. Слышу, как вы хотите заставить меня кричать... стонать... плакать от удовольствия. Слышу, как вы хотите сделать со мной то, чего не делали ни с одной женщиной, никогда.

Слышу, как вы давите свой порок, душите свою тьму. Слышу, как по вашему лбу струится пот. О, вы сильный мужчина, безусловно, сильный! Никто не вынес бы искушения больше, чем вынесли вы. Но поддаться женщине – это не слабость и не позор. Это будет означать, что вы сделали ее властелином. Безупречный белый ангел...

Ее лицо белеет прямо напротив его лица. Такое юное и такое трогательно-прекрасное.

Но это не потому, что суккубка решила поговорить. И не потому, что она очарована, хотя искусно делает вид, что засмотрелась в алые глаза инквизитора.

Ей просто некуда бежать.

Позади нее стена, и на ней начертаны заклятья, которых она боится, как огня. Или чего там боятся суккубы.

Она загнана в угол, Тристан поймал ее, и она приложит все усилия, чтобы вывернуться из рук инквизиторов.

Ну же! Давай!

Вспори ее безупречную оболочку!

Тьма шептала, смеялась и бубнила что-то в уши, ласковыми девичьими голосами завлекала и соблазняла, обнимая Тристана за плечи.

Письмена на стене вспыхнули алым, опаливая жаром нежную кожу суккубки, и та придвинулась чуть ближе к Тристану, так близко, что они стояли почти обнявшись.

В ее красивых глазах отражалось лето и любовь. Воображение охотно дорисовывало на ее рыжей голове венок из чуть увядших от жары трав.

– А давайте, – ее голос испуганно дрогнул, – давайте убежим ото всех, Тристан? Только вы и я. Вы же можете оставить свою службу?.. Вы же хотите быть счастливым?

Ее ладони скользнули по его плечам, но прежде, чем она выпустила острые отравленные когти, нож Тристана взлетел и коварно ударил ее в живот.

– Нет.

Раздался странный звук, словно кто-то во тьме наступил на хрупкую яичную скорлупу.

– Глупая потаскуха. Как ты могла поверить, что справилась со мной так запросто?

Суккубка, до этого моменты бывшая прекраснейшим из существ, ахнула и ухватилась за пробитое место, черным провалом обозначившееся на коже. Но Тристан не ограничился одним ранением. Рванув нож вверх, он провел на теле женщины длинную черную полосу, все с тем же отвратительным хрустящим звуком, и из-под ножа его посыпались тараканы, личинки, труха, словно он старое мусорное ведро вспорол.

– Давай, покажи свое личико, красotka!

Чары схлынули, от возбуждения больше не стучало в висках. Тристан вздохнул смелее, переживая последние мгновения наваждения, и недогнущей рукой начертил на лбу суккубки знак благословения. Все равно что вкатил пулю в ее череп. Она закричала, извиваясь на его ноже, вцепилась в его руку, но он держал ее голову, как огромное яблоко в ладони, и меж пальцев его шел дым.

Нож, добравшись до подбородка бьющейся женщины, с легким звоном вспорол пополам суккубке лицо, чиркнул по лбу, расколов его белизну надвое, и соблазнительная оболочка раскрылась, крошась, а из нее под ноги Тристану свалилось омерзительное, уродливое, жирное существо.

– О, нет, – с разочарованием протянул Тристан, топчя тараканов, разбегающихся в разные стороны. – Что? Вот это чудовище послали меня соблазнять?! Полный мешок тухлятины и нечисти... Никакого уважения...

Суккубка была стара. Стара так, что ее череп был почти лыс, лицо полностью состояло из морщин, а ноги не держали ее дебелую тушу. Лишившись соблазнительной магической оболочки, она не могла даже более-менее быстро двигаться.

Скрипя что-то себе под нос старческим голосом, она тяжело, надсадно дышала, зло поглядывая на Тристана маленькими заплывшими глазками.

– Сильный, – проскрипела она с ненавистью. – До чего сильный!

В доме стало светло, солнце несмело заглянуло в окна, и испуганно отступила, убрала свои влажные щупальца тьма, перестала нашептывать соблазнительные непристойности в уши.

Свет блеснул на светлых пуговицах в два ряда на черном пальто Тристана, блеснул на его белоснежных волосах и отразился в алых одержимых глазах.

На захламленном полу, на котором еле ворочалось нелепое старое существо, стала видна нацарапанная наскоро пентаграмма и чуть поодаль – мертвый человек. Хорошо, даже элегантно одетый. Вероятно, рассчитывал на лучшее свидание в своей жизни...

Молодой, с широко раскрытыми глазами, улыбающийся. Он умер счастливым – хоть этим можно было утешиться.

Тристан глянул на него мельком, испытыв жгучую досаду. Юноша был альбиносом, таким же, как сам Тристан, и погиб, разумеется, по ошибке.

– Гнилая колода, – выругался инквизитор, подопнув кусок какого-то хлама, из которого в разные стороны поползли тараканы и тошнотворные личинки. – Вижу, и мозг твой прогнил совершенно, если ты приняла этого человека за меня и решила, что со мной так легко справиться. Он ведь даже не сопротивлялся, так? могла бы догадаться и не убивать.

– Как отказаться то сладости погубить чью-то душу, – рассмеялась суккубка.

Инквизитор присел перед чудовищем, безо всякого почтения ухватил ее за редкие волосы и поднял к себе ее уродливое лицо. На миг их взгляды встретились, его – спокойный и почти безразличный, и ее – яростный, ненавидящий, – и она взвыла, скрежеща зубами так, что они крошились, не выдерживая ее ярости.

– Тщеславие, – протянул Тристан, брезгливо оттолкнув от себя суккубку и торопливо поднявшись. – Веруя в себя, надо не переставать верить и в противника. Не нужно недооценить врага.

– Точно подметил, блондинчик, – издевательски проскрипела старуха, подтягивая толстое рыхлое тело на руках. Кажется, ее ноги отказали давным-давно и просто не слушались ее, а вот руки, плечи были крепкими, массивными. Она, видимо, давно уже передвигалась с их помощью. Но это не делало ее менее опасной.

Тристан едва успел отпрыгнуть, когда старое чудовище, толкнувшись руками, вдруг прыгнуло вперед, разинув зубастую пасть, метя явно в ноги инквизитора. Но она промахнулась; и со всего размаха, разбивая в кровь лицо, она врезалась в пол так, что щепки в разные стороны полетели. Вместо лодыжки Тристана чудовище впилося острыми, торчащими вперед зубами в доски, кроша старое дерево.

– Вкусно? – издевательски поинтересовался Тристан, глядя, как разъяренное чудовище отплевывается от заноз, впившихся в ее язык.

– Я тебе кишки выпущу и на кулак их намотаю, щенок!

Старое чудовище, кое-как выплюнув щепки, забормотало какие-то заклятья, ее грязные обломанные когти шустро заскребли по полу, вычерчивая символы, тут же наливающиеся кровавым светом.

Тени в углах сгустились, застонали тоскливыми голосами, и оттуда на Тристана поползли, изломанные и измученные, грешники.

– Взять этого мерзавца! – проскрипела старуха, жестом руки направляя свое жуткое воинство на Тристана. – Ты слишком зажился на этом свете, святоша!

– Ну, попробуй, возьми меня, старая колода...

Драка дело привычное. Чувство опасности острыми иголками покалывает нервы, жжет затылок. Верный нож вспарывает черноту, пускает неживую кровь. Тристан, не глядя, бьет

локтем, чувствуя, как от его удара крошатся старые, ссохшиеся кости. Ссохшиеся тела разваливаются от малейшего прикосновения, пачкают тленом, путиной и пылью щегольское черное пальто Тристана.

Слабость врагов приводит его в бешенство.

– Этим ты собралась меня удержать?!

Старуха, жирной жабой распластавшаяся на полу, все скребет и скребет когтями, все бормочет, призывая все новых чудовищ из мрака. И они выходят и выходят из углов, жалкие и полуразложившиеся, еле волочащие истлевшие ноги.

– Надумала меня количеством твоих неповоротливых зомби задавить? Нет, не выйдет.

Свистнул в воздухе нож, выпущенный из крепких пальцев инквизитора, лезвие пронзило когтистую лапу старухи, и та завопила, дергаясь и стараясь освободиться. Она ухватила нож за рукоять, пытаясь его вытащить, но тот обжег ее ладонь, словно раскаленное железо, и суккуб, страдая, оставила свои попытки.

Тристан же, откинув с мокрого лба белые пряди, с грозным звоном вынул черный узкий меч, и расстояние между ним и ковыляющими мертвецами мгновенно увеличилось на длину этого меча.

– Потерпи немного, – выдохнул он, обращаясь к дергающейся и воющей ведьме. – Сейчас с этими разберусь, а потом уделю внимание тебе...

– Уродливый ублюдок! – выла суккуб. Она оставила попытки освободиться и трясущимися пальцами левой руки собственной кровью начертила еще один знак. Кажется, она сама боялась того, кого вызывала из сердца преисподней, и не зря.

Демон явился из мрака, безумный и дикий, похожий на освежеванного огромного то ли пса, то ли человека. Он испытывал боль каждый миг, и оттого был яростен.

Алыми лапами он раскрошил призванное суккубкой воинство и двинулся к Тристану, шумно втягивая широкими ноздрями воздух, принюхиваясь к аромату человеческой плоти.

Тристан не стал комментировать появление этого слуги Ада. Кончик его меча, чуть поднятого вверх, подрагивал, словно ожидая нападения.

– Убей же его! – проорала суккубка, корчась на полу. – Убей!

Алый демон взревел и бросился вперед, и навстречу ему бесстрашно рванул черный старый клинок.

Белые крылья распростерлись в благословении, слепящий свет окатил комнату, словно взрывная волна, и все было кончено в один миг.

Когда белый слепящий свет рассеялся, охающая и стенающая суккубка увидела своего верного слугу-демона мертвым. Он лежал на боку, глаза его стремительно гасли, а из груди все еще рвался рык, но уже слабо, как отдаленное эхо.

Черная кровь лилась рекой. Эсток инквизитора безошибочно ударил чудовище в сердце, и демон умер в броске, не успев сомкнуть свои когтистые лапы на спине Тристана.

– Теперь ты, – Тристан вытер лезвие платком, брезгливо стирая нечистую кровь. Он ступил ближе к суккубке, весьма неуважительно наступив каблуком на ее свободную кисть, и ведьма заголосила. Ее жуткие пальцы под ногой Тристана заскребли пол, и он прижал сильнее, чтоб она не могла и мизинцем двинуть.

– Больно, больно! – выла она.

– Врешь, не больно, – безжалостно ответил он. – Вот это больно.

Безжалостно размахнувшись, он всадил меч в позвоночник старой ведьмы, между лопаток, и та завывала не своим голосом. Ее глаза налились кровью и казалось, вот-вот выкатятся из орбит, а руки неожиданно обмякли и перестали скрести пол.

– Извини, но с твоими руками надо было что-то делать, – доверительно произнес инквизитор. – А то лезущие из преисподней демоны немного отвлекают от темы беседы.

– Ублюдок!..

– Королевский ублюдок, – поправил ее Тристан. – Это не новость. Об этом все знают. Итак, дорогая, нам надо поговорить. Ты сама виновата в том, что наш разговор проходит в таких неудобных для тебя условиях. Могла бы не пытаться меня обмануть.

Суккуб злобно пыхтела. Стараясь пошевелиться, она тревожила рану и принималась громко кричать, что сильно смахивало на спектакль. Кажется, суккубы даже страдают напоказ.

– Я заберу, – деловито продолжил Тристан, вырвав свой нож из пробитой кисти ведьмы. – Он мне еще пригодится. Да не ори ты так; сдается мне, кто-то уже угощал тебя таким ударом, иначе отчего б твои ноги не работали...

– Мучитель, – выдохнула суккубка. Слезы и пот струились по ее искаженному лицу. – Твоя душа чернее душ грешников!

– Пусть даже и так, – согласился хладнокровно Тристан. – Итак, красотка: четыре убийства. Четыре! В разных частях города, никак, казалось бы, не связанные между собой, если б не одно «но»: все убитые альбиносы. Не говори мне сейчас, что я слишком мнителен. Охота идет за мной, не так ли?

Суккубка, извиваясь, как жирная полураздавленная гусеница, промолчала, и Тристан неодобрительно поцокал языком.

– А потом такие, как ты, обвиняют меня в жестокости, – произнес он, нарочито обиженно. – Убиваете молодых людей, ни в чем неповинных и доверчивых, не желаете каяться в грехах и жалуетесь, что я с вами излишне строг.

– Строг?! – вскричала суккуб. – Да ты проклятый садист!

– Спорно, – возразил Тристан и полез во внутренний карман своего пальто. – Знаешь, что у меня есть?

Суккуб даже дышать перестала, когда белоснежная рука Тристана извлекла крохотный прозрачный флакон с плотно притертой крышкой.

– Слезы Ангелов?! – вскричала суккуб в ужасе. Тристан кивнул:

– Всю ночь сам плакал, – с самым серьезным видом подтвердил он. – Итак, одна капля – и растворится твоя рука. Вторая капля – и плечо облезет до костей. Продолжать? Или ты будешь посговорчивее? Нет, пожалуй. Для того, чтоб диалог между нами был доверительнее, надо дать тебе попробовать этого зелья.

Он сделал вид, что откупоривает флакон, и суккуб зашлась в истерике.

– Не надо, не надо! Проклятый садист! Убийца! Палач! Я ведь женщина! У тебя поднимется рука на женщину? Ты сможешь меня, старую и беспомощную, пытать?!

– Женщина? – изумленно произнес Тристан. – Да ты, верно, и родилась одним из рогов сатаны. А потом он решил дать тебе соблазнительную оболочку. Не пытайся воззвать к моей жалости, у меня ее нет. Итак...

Пробка с громким чпоканьем покинула горлышко флакона, и суккубка отчаянно заверещала.

– Только обещай, – орала она, – обещай, что прикончишь меня иначе! Не этим! Я скажу все!

Тристан кивнул:

– Удар милосердия, – ответил он. – под затылок. Ты ничего и не почувствуешь. Итак?

– Он не назвался! – выпалила суккуб. – Очень богатый и хорошо одетый человек!

– Человек?

– Ну, не человек! Кто ж ему в душу заглядывал?! Лицо грубое, некрасивое. Зубы острые, нарочно подпиленные, как у акул или у пираний. Черные бакенбарды. На глазах черные очки.

– Слепец, – задумчиво произнес Тристан. – Вот почему вы убивали всех подряд альбиносов. Он просто не мог вам показать фото. Какая ирония!

– Он нанимал много кого, – устало закончила суккубка. – И платил щедро. Одна ведьма взяла деньги и попыталась его обмануть, удрать из города. Ее нашли мертвой. У него длинные руки.

– Если он так силен, то зачем ему нанимать таких никчемных созданий, как вы? – удивился Тристан.

– Кажется, он хочет обтяпать это дело по-тихому, чтоб никто не смог его обвинить в этом. Тристан насмешливо покачал головой.

– Человек! – передразнивая суккубку, произнес он. – Кого ты сейчас пытаешься обмануть? Он высший демон, так? И если убьет – то оставит свою печать, по которой его опознает тот, кто не должен зантъ, так?

Суккубка смолчала. Неизвестно, что хуже – предать высшего демона или солгать жестокому ангелу.

– Что ж, понимаю твой страх, – смиренно произнес Тристан. – И не виню. Не станем заострять внимание на твоей маленькой лжи. А теперь вот что мне скажи: он не обмолвился, за что так невзлюбил меня? Признаться, я в замешательстве. Никаких особенных врагов в последнее время у меня как будто не было, а старые долги я роздал.

– Говорил, – тихо ответила суккубка. – Он сказал, за что хочет убить тебя, жестокий ангел.

– Так за что же? – поинтересовался Тристан.

– Он сказал, – зло ответила суккубка, припоминая свою неудачу в соблазнении, – что ты соблазнил какую-то даму... Очень близкую ему даму. Может, даже дочь.

– Какая подлая ложь! – возмутился Тристан. – Все мои подвиги подобного рода остались далеко позади во времени. Двадцать, сорок лет назад? Эти дамы уже давно стали почтенными матронами. И почему мстить надо именно сейчас?! Да и не припомню я н одной соблазненной демоницы за последние... да черт, это совершенно неважно! Это неправда!

– Не похоже, чтоб он лгал, – злорадно пропыхтела суккубка. – Когда он говорил об этом, у него зубы от злости едва не крошились, а из-под очков потекли кровавые слезы.

– Так он лишился глаз недавно? – мгновенно насторожился Тристан. – Ага, и раны не затянулись, странно как... значит ли это, что он их лишился, глядя на святое благословение? Только святое благословение большой силы может такое сотворить с демоном. А что за имя он носит?

– Я не знаю!

– А как ты должна была отчитаться об удачном убийстве?

– У него много слуг. Я узнала б любого из них их тысячи, по особенному запаху, сладкому, как кровь, и опьяняющему, как опиум. Они все так пахнут. Их одежда. Волосы. При малейшем движении это запах распространяется, все обволакивает, и становится хорошо...

– Ха... Высший демон, пользуется духами с феромонами, недавно лишился зрения, богат, элегантен... Кто ж это такой?

– Я не знаю ничего, – просипела старуха, опуская лицо на пол. – Ну, давай, рази, ангел. Я устала.

Уголок не улыбочивого рта Тристана дрогнул в лукавой улыбке, инквизитор перевернул свой флакончик, и прозрачная жидкость полилась на распростертые руки старухи.

Та услышала звон воды о доски пола, вскинулась с воплем, в ужасе уставившись на политую руку, но... ничего не произошло. Старуха, трясаясь, как в ознобе, смотрела на свои мокрые пальцы, ожидая, что они обуглятся, но не происходило ровным счетом ничего.

– Лжец! – ахнула старуха изумленно, понимая, что выдала тайны демона, испугавшись капель простой воды. – Ты обманул меня! Ты обманул!..

– Ангелы плачут редко, – с обаятельной улыбкой ответил Тристан, пряча свой флакон обратно в карман. – В этом столетии у меня был только один повод. И то давно.

Суккуб разинула было пасть в гневном крике, но не успела произнести ни звука.

С грозным лязгом черный узкий меч Тристана пробил дощатый пол, пронзив шею ведьмы прямо под затылком и приколотив ее к доскам.

Глаза суккубки остановились и погасли, а Тристан распустил белые крылья в святом благословении, очищая дом.

У входа толпились полицейские, зеваки, которых эти самые полицейские сдерживали, и репортеры газет. Они перевели, наверное, целый пуд своего магниевого порошка для вспышек, фотографируя дом, из окон которого то вились дымные черные ленты, то бил ослепительно белый свет.

Густав, славный оборотень, стоял в первых рядах, от волнения стащив котелок со своей смоляной черной шевелюры. Когда святое благословение осветило весь дом, да так, что стекла посыпались, он вздохнул с облегчением и перевел дух.

– Все, расходимся! – крикнул он, повернувшись к толпе. – Смотреть больше не на что!

Толпа недовольно роптала. Увещевания полицейских о том, что находиться здесь может быть опасно, действовали плохо, толпа расходилась неохотно.

Наконец, в дверях показался Тристан, и на него тотчас налетели репортеры.

– Как вам удалось обезвредить преступницу?

– Комментариев не будет!

– Скажите, что означают эти странные убийства?

– Нет ответа!

– Можно ли сказать, что городу больше ничто не грозит?

Густав тотчас оказался рядом с инквизитором и как-то незаметно, одному ему известным приемом отгородил широко шагающего Тристана от надоедливых людей.

– Я волновался, – произнес оборотень мягко. – Все-таки, идти туда одному было довольно рискованной идеей.

– Да что со мной могло произойти, – буркнул Тристан, хмурия белесые брови.

– Произойти могло все, что угодно, – твердо и непреклонно ответил Густав. – Вам нужно было взять с собой меня.

Тристан припомнил прелести суккубки, ее мощные чары и подумал, что бравый Густав за право обладать ею и по ее наущению мог легко вцепиться ему, Тристану, в глотку.

– Это было бы самым дурным решением из всех, – ответил Тристан. Густав обиженно надулся, и Тристан, покосившись на него, пояснил. – Именно потому, что ты силен, мой друг. Ты мог попасть под ее чары и доставить мне намного больше хлопот, чем сама эта старая ведьма.

Это признание Густава успокоило, он заметно повеселел.

– Вы весь дрожите. У вас упадок сил; обопритесь об меня.

– Не на людях, – кратко бросил Тристан. – Они не должны даже подозревать, что это дело отняло у меня много сил. Пусть думают о том, что я уничтожил какую-то одержимую, чем... ну, ты понимаешь. Паника нам не к чему.

– Так это еще не конец?

Тристан только мотнул головой.

– Я напугал ее слезами ангелов и вытряс из нее признание. Есть заказчик, богатый заказчик. И он не уймется, пока не достигнет цели.

– У вас были слезы ангелов?! – поразился Густав. Тристан отрицательно мотнул головой:

– Конечно, нет. Откуда б? Налил из-под крана. Но, на мое счастье, ведьма мне попалась не самая сообразительная.

Густав смог только вытаращить глаза да шумно выдохнуть, поражаясь нахальству шефа, который носил святые крылья и при этом весьма виртуозно врал.

Тристан яростно глянул в толпу, да так, что она схлынула, и рывком открыл дверцу полицейской кареты, поджидающей его и Густава.

– Можно забрать тела, – произнес он вполголоса, обращаясь к полицейскому. – Если что-то похожее повторится – зовите в любое время дня и ночи.

В карете можно было расслабиться. Тристан плюхнулся на сидение весьма неуклюже, потирая ладонью глаза и распуская пуговицы на пальто, поэтому не сразу заметил, что противоположное сидение уже занято.

Да и Густав, усевшийся рядом с инквизитором, среагировал не сразу. Он изумленно раскрыл рот и хлопал глазами до тех пор, пока не стало слишком поздно – щелкнул кнут, лошадь резво рванула с места, и кэб набрал приличную скорость.

– Мисс?... – неуверенно произнес Густав, и Тристан отнял руку от лица, словно ожегшись.

– Какого черта вы тут делаете?! – во всю глотку выкрикнул он, в полутьме кареты рассматривая девушку.

Точнее – белый овал ее лица, полускрытый черным туманом дорогой вуали, спускающейся со шляпки, ярко-алый рот, ухмыляющийся нахально и хищно, и белую манишку на груди.

Темное платье почти полностью сливалось с полумраком.

– «Вестник Зла», – произнесла девушка, небрежно зажимая в ярко-алых губах длинный изящный мундштук с дымящейся сигаретой. – Ответите на несколько вопросов? Вы можете сделать мне недурную карьеру, если будете паинькой. А в наш век скромной девушке так трудно устроиться...

– Я вам не паинька! – рыкнул разозленный Тристан. Под вуалью блеснули умные и внимательные глаза, алые губы растянулись в обворожительной улыбке.

– О, а вот это жаль, – с ноткой разочарования произнесла девушка. – О вас говорят – вы дамский угодник. Врут?

Небрежно закинув ногу на ногу, девушка, как фокусник из шляпы, раздобыла блокнот и карандаш и уставилась на Тристана.

– Итак?... – протянула она.

– Что. Вы. Тут. Делаете, – зло отчеканил Тристан.

– Ну, помилуйте, это же очевидно! Я пытаюсь взять у вас интервью! – возмутилась девушка.

– Как вы сюда попали?!

– Так же, как и вы, инквизитор, через дверь! И вообще, кто кого интервьюирует? Вопросы должна задавать я!

– Выйдете вон сейчас же!

Девушка снова улыбнулась своей чарующей, ослепительно-красной улыбкой.

– Выкинете меня на полном ходу? – промурлыкала она, доводя Тристана до иступления.

– Мадам Софи совсем не понравится эта девушка, – осторожно заметил Густав. – Совсем.

Тристан смолчал.

Так бывает в жизни – устоял перед сильнейшим эротическим искушением, но поддался первой же веселой улыбке.

«Нет, пожалуй, в ней не только веселость, – думал Тристан, с изумлением ощущая азарт, какого не испытывал давно, и желание улыбнуться в ответ. Улыбнуться и посмотреть на девушку таким взглядом, который скажет красноречивее всяких слов о том, что она интересная и, возможно, желанна... – Она не боится меня. Ведьма? Обычно ведьмы столь раскованы и

дерзки. А-а-а, черт после сегодняшних откровений мне только интересных барышень не хватало! Людей убивают за то, чего я не совершал, а тут такой соблазн! И все же... кто она такая?»

Он почувствовал, что сердце его забилося чаще и живее, ощутил вдруг запах весны, который исходил от незнакомки, и жгучее желание заглянуть ей под вуаль.

Не зная толком, как она выглядит, не зная ничего о девушке, он ощутил себя крохотным гвоздиком, оказавшимся по соседству с мощным магнитом.

Его рвануло и потянуло всей душой, всем живым существом к незнакомке. Это было и приятно – волнующе, маняще, так по-человечески легкомысленно, – и на удивление... стыдно.

«Как мальчишка, готов волочиться за первой попавшейся юбкой!» – ругал самого себя Тристан, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид. Но сам уже привычно оглядывал, подмечал какие-то одному ему интересные и важные детали и мелочи в образе девушки. Цвет ее кожи, игру ее тонких, красивых пальцев, вкус, с которым она была одета. Сочетание моды, изыска и шика. У девицы был, несомненно, тонкий и даже изысканный вкус.

Дорогие, неброского цвета ткани, одежда пошита на заказ, у хорошего мастера. И единственное вызывающе-яркое пятно – это ее губы на белом лице... чересчур манящие, чересчур соблазнительные.

Тристан шумно выдохнул, уже не в силах сдерживаться, качнул головой.

«Надо вести себя естественно, – думал он, – естественно, чтоб девица не догадалась, что от соседства с ней поджилки трясутся. Как мальчишка, как пацан!...»

...И все же, в этом неожиданном порыве, в этом весеннем влечении было так много живого, свежего, настоящего, что Тристан с изумлением понял, что проснулся от какого-то летаргического сна.

Он упрямо сжал губы и обхватил руками плечи, закрываясь от незнакомки и давая ей понять, что не склонен к продолжению диалога. Девица снова усмехнулась.

– Ну же, инквизитор, – ласковым голосом, каким уговаривают непослушных детей, пропела она, – не будьте букой! Я просто хочу узнать, что происходит, и рассказать об этом людям.

– Ничего не происходит, – упрямо ответил Тристан. – Очередное убийство, каких случается сотня на день.

– Очередное! – насмешливо фыркнула девушка. – Настолько банальное, что вызывают старейшего инквизитора.

Тристан угрожающе приподнял бровь. Отчего-то слово «старейший», прозвучавшее из уст прелестницы в его адрес, показалось ему обидным.

– Я не старейший, – не сдержавшись, зло процедил он.

– О, простите! Древнейший. Вне всяких сомнений, древнейший, – кажется, девице нравилось дразнить Тристана. Насмешливые глаза под вуалью смотрели на Тристана внимательно, и, казалось, видели и подмечали любое шевеление души. Наверное, заметила и то, как он взбесился, когда она назвала его старым. Древним. Вот же зараза...

– Я не скажу вам ни слова, – отрезал Тристан. – Ваши статейки в желтых газетенках, приукрашенные всякими кровавыми сказочками, всегда полны вранья и только зря пугают народ.

– Ага, – глубокомысленно произнесла девушка и что-то с умным видом написала в блокноте. – Значит, произошедшее посеет панику. Значит, атаке может быть подвержен любой.

– Не любой! – зло прорычал Тристан.

– Не любой? Кто-то особенный? – чуть прищутив один глаз, уточнила девушка. – Такой, как вы? Я видела тело несчастного, когда его выносили...

– Ни слова больше! – вспыхнул Тристан. – И сию минуту отдайте то, что вы там написали! Я не позволю ни строчке...

Он крепко ухватил блокнот, рассчитывая на борьбу, но девица на удивление легко его отдала.

Его пальцы на миг коснулись ее пальцев, и Тристан почувствовал себя так, будто его прошило молнией. Ударило в самое сердце, и вышло через пальцы, через самые кончики, сделавшиеся невероятно чувствительными. Живот невольно дрогнул, как от сильнейшего и невероятно сладкого возбуждения, и Тристан снова ощутил себя юнцом, который умудрился прикоснуться к объекту своей страсти. Это было так по-настоящему живо и прекрасно, что Тристан ни о чем думать не мог, кроме этого прикосновения.

Оно казалось ему исполнившейся мечтой. Мучительной целью, которой он достиг внезапно, враз, внезапно и неожиданно, да так, что не успел ею насладиться.

«Что за наваждение, – снова ругнулся он, стараясь не застонать, потому что прикосновение к руке девушке вышло намного соблазнительнее и желаннее, чем он мог предположить. – Чтоб мне провалиться! Да это остаточные чары суккуб. Точно. Мне бы в ближайший час вообще нужно было не сталкиваться ни с какими девицами... ничего. Это скоро рассеется, надо только подождать!»

Он сердито развернул блокнот девушки к себе... и остолбенел. Вместо интервью на странице всего несколькими грубыми штрихами был изображен его портрет. Суровое лицо, волосы, упавшие на высокий лоб, суровый взгляд – и предательская, озорная, почти мальчишеская улыбка. Даже не улыбка, а ее тень. Но девица ее заметила, и передала очень точно.

Древнейший, хм...

С холодным выражением лица он вернул девушке ее блокнот – а она смотрела на инквизитора внимательным взглядом напакостившей кошки.

– Что вам нужно на самом деле? – сухо поинтересовался Тристан. – Вы никакой не репортер. Газеты «Вестник Зла» не существует в природе, насколько мне известно.

– Дошло, наконец, – усмехнулась девушка. – Давайте начистоту: один мой... хороший знакомый. Он может быть замешан в этой некрасивой истории. Я очень не хочу в это верить, но от всего этого веет его...

– Запахом? – язвительно подсказал Тристан.

«Ах, вот оно что! – посмеиваясь, подумал он. – Если она из свиты этого демона, то тоже может пользоваться духами с феромонами. Поэтому меня так привлекло к ней. Все объяснимо».

– И запахом тоже, – злобно оскалившись, рявкнула девица внезапно грубым и жестким голосом. – Он очень мне дорог, инквизитор. Очень. И я не хочу, чтобы вы раскрыли рядом с ним свои крылья.

– Ваш знакомый – демон? – уточнил Тристан насмешливо.

– Вас это смущает? – агрессивно и резко спросила девушка. – Кажется, вы сами были демоном и женаты на ведьме!

– Я не женат, – улыбнулся Тристан, удивляясь, как быстро они с собеседницей поменялись местами. – Я слишком... древний для этого.

– О-о-о, – раздраженно прорычала девица, нервно стискивая свой блокнот и сминая портрет Тристана. – Вы будете цепляться к такой глупости?! Мелко мстить за нее?! Я, вообще-то, обращаюсь к вам за помощью!

– Вот с этого и надо было начинать, – мстительно ответил Тристан – и вдруг понял, что ревнует. Ревнует дерзкую и яркую незнакомку к тому, за кого она с таким пылом и с такой смелостью вступается. – А не лгать об интервью и не строить мне глазки.

– Да вы были не очень-то против, инквизитор!

Глаза девушки под вуалью зло прищурились, губы неприятно изогнулись. Незнакомка перестала щебетать как птичка и улыбаться – а вот это было, пожалуй, обидно и досадно. Но ничего с этим не поделаешь.

– Я хочу знать, – прорычала девушка, – что этот... человек ни в чем не виноват, и что вам, древнейший и сильнейший из инквизиторов, не придет в голову раскрывать рядом с ним свои крылья!

Тристан усмехнулся.

– Вы меня путаете с кем-то, – небрежно заметил он. – Я не калечу и не убиваю тех, кто невиновен. Но если человек – или демон, это совершенно все равно, – совершает нечто дурное, я его убиваю. Да, я раскрываю свои крылья, и заступничество хорошенькой барышни никого не спасет. Я инквизитор, мадам, а не просто мужчина, которого можно охмурить, и который согласится немного вам уступить и порадовать вас, оставив вашего жениха в покое.

Тут Тристан нахмурился, потому что в голову ему пришло, что момент барышней был выбран самый, что ни на есть подходящий, и, видимо, не просто так.

– Сейчас, например, – медленно, словно в полусне, произнес Тристан, – мне хочется вас арестовать и допросить с пристрастием.

– Меня? – изумилась девушка, широко раскрыв глаза, но Тристан не поверил в ее искренность.

К тому же, она явно собралась бежать, выпрыгнув на всем ходу из кареты. Отбросив свою сигарету в длинном мундштуке, она рванула вперед, к свободе. Но Тристан угадал ее намерение прежде, чем она успела повернуть ручку на дверце кареты.

Он весьма непочтительно ухватил девушку за шиворот и швырнул обратно на сидение, для надежности выставив между ней и дверью к спасению свою ногу.

Он уперся ею в сидение, кажется, даже наступил на юбку девицы, и опасно подался вперед.

– Вас, вас, – со смешком подтвердил он. – Вы изволили влезть в мой экипаж? Так вот выйти из него можно только с моего разрешения. Я его вам не давал. Вот теперь поговорим.

– О чем? – неласково рыкнула девушка, злобно оскалившись.

– Ну, давайте, начну я. Я хочу познакомиться с вашим другом. Я так много о нем слышала, что меня разобрало любопытство, что ж там за мужчина такой, ради которого молодые девушки смело идут в лапы к ужасному инквизитору...

– О, да уж поинтереснее вас!

– Даже не сомневаюсь. При моей сомнительной внешности интереснее меня может быть абсолютно любой!

– Вы впали в меланхолию, господин инквизитор? К чему эти вздохи о внешности? Дело ведь не в том, как мужчина выглядит, а...

– Вот, кстати, – перебил ее Тристан, максимально близко к ней склонившись и заглянув своими пылающими алыми глазами в ее перепуганные глаза. – О внешности. Какого цвета у него глаза?

– Что за странный вопрос!

– Отвечайте.

– Ну, ч... черные!

– Как давно вы его видели?

– Сегодня утром же! И уверяю вас, он...

– Он носит очки? Темные очки, скрывающие глаза? – не слушая оправдания девицы, бесцеремонно ее перебивая, продолжил Тристан. Девушка, напуганная его напором и немного растерянная, усмехнулась, но без былой уверенности.

– Нет, – недоумевая, ответила она.

Тристан пугал ее.

В ее глазах под темной вуалью он прочел удивление и растерянность. Она почти поверила в то, что ей удалось его очаровать, и вдруг ее добыча срывается с крючка! Ах, какая досада...

«Этот орешек тебе не по зубам, милая, – посмеиваясь, подумал Тристан. – Обычно я не пугаю хорошеньких девушек, но вам надо задать показательную трепку!»

– Сегодня он надевал такие очки? – не оставлял своих странных вопросов Тристан.

– Да говорю же, нет! – выкрикнула девушка нервно. – И я рада слышать от вас эти вопросы! Чем больше вы их задаете, тем больше я убеждаюсь, что мы говорим о разных людях! Значит...

– Это ничего не значит, – огрызнулся Тристан. Тонкие ноздри его носа дрогнули, девушка в страхе вскрикнула, поняв, что инквизитор к ней принюхивается в полутьме. Как зверь; как хищник; как волк; как чудовище. – Что у вас за духи? С феромонами?

– Что?..

– Духи, я сказал. Что у вас за духи?

Инквизитор приблизился к девушке максимально, его нос почти касался ее подрагивающей шеи. Девушка дышала какими-то редкими испуганными всхлипами, и инквизитор тихо, очень страшно рассмеялся.

– Святая, невинная наивность, – с коварством змея-искусителя прошептал он. В его голосе слышалась улыбка, но от этого не становилось менее страшно. – Вы думали, после суккуба я расслаблюсь и поддамся на ваши нехитрые чары? На духи с феромонами?

– Я не пользуюсь такими! – взвизгнула девушка, когда она ощутила на своей коже прикосновение. Легкое касание губ; может, нечаянное, может, карету сильнее качнуло, и инквизитор ее просто задел, но ей показалось – он впился в ее шею зубами и вырвал кусок плоти. В парнике она сжала покрепче ворот на платье, внезапно ощутив себя голой. Казалось, инквизитор изучал ее всю, каждый клочок кожи, и это было не только нескромно и стыдно, но еще и пугающе. Девушка чувствовала себя абсолютно незащищенной, и, как бы она не прикрывалась, ничто не помогало вернуть ей уверенность в себе.

– Откуда вы знали, что я там заперт с суккубом? Ваши действия, ваша дерзость – все говорит о том, что вы надеялись, что суккуб меня ослабит, а вы, благодаря своей молодости, красоте и дерзости возьмете меня, тепленького, и будете вить из меня веревки, спрашивая что угодно и подбивая на... назовем это должностным преступлением. Вы же хотели, чтобы я отказался от мысли преследовать виновного, так? Кто вам сказал о суккубе?

Тристан чуть отодвинулся от девушки, с улыбкой заглянул ей в глаза и внезапно провел рукой по ее щеке. Тыльной стороной.

Взгляд его не сулил ничего хорошего.

На миг девушке почудились костры святой инквизиции, вспыхнувшие в его красных глазах, и она ощутила ужас жертвы, вздернутой на дыбу. Инквизитор своими тонкими пальцами задумчиво обводил овал ее лица, прислушиваясь к дрожи своей жертвы, в последний раз глядел на ее нетронутую красоту, и раздумывал, что бы такого сотворить с нею, как искалечить, как изуродовать, чтоб выбить нужную ему информацию.

Вопли мучеников прозвенели в ее ушах, как страшное эхо далекого кровавого, дикого и жестокого прошлого.

Кажется, он нарочно дал ей посмотреть на эту, потаенную, часть его души. Чтобы она поняла и покрепче запомнила, кто он таков и чем привык заниматься.

– Что, – усмехнулся он, рассмотрев в ее глазах ужас, – больше не хочется со мной флиртовать? Да, милая, я занимался такими... делами. Сам выбивал признания. Поверьте моему опыту: я ни разу не ошибся. Все, кого я подозревал, лгали и скрывали что-то нехорошее. Как вы. Под пытками они признавались и в количестве закопанных в собственном подвале трупов, и в черных мессах – а я потом бегал и ловил нечисть, которую они призвали, – и в связях с демонами. Вот и вы мне врете. Ах, как мне это не нравится!

– Как... – стуча зубами, словно ей было невероятно холодно, выдохнула девушка. – Как женщины умудрялись увидеть в вас мужчину? Вы гнусное чудовище! Говорили же, что вы королевский сын! Как случилось то, что вы решили умыться человеческой кровью?!

Тристан лишь поморщился.

– О, давайте без этого! На дыбе поначалу абсолютно все так говорили, бросались оскорблениями, храбрясь. Но потом они забывали свою дерзость и не пытались больше меня оскорбить или задеть. И видели во мне и мужчину, и ангела, и Бога, – Тристан расхохотался, довольный произведенным эффектом. – Так что там насчет суккуба? Откуда вы знаете о ней?

Девушка даже задохнулась от негодования.

– И вы смогли бы, – выдохнула она, – меня?.. На дыбу?..

Тристан пожал плечами.

– Отчего нет? Это моя работа. Если б я счел это уместным и нужным, я бы вас непременно подвесил. Но вместо этого я проявляю просто чудеса милосердия, ведя с вами бесконечно нудный разговор и позволяя трепать мне нервы. Итак?..

– Чудовище! Вы не человек!

– Совершенно верно. Я ангел, карающий ангел. Итак?! Не заставляйте меня нервничать, я этого не люблю.

Девушка судорожно сглотнула и выпалила:

– Я слышала, как они ссорятся!

– Ссорится ваш жених и... кто?

– Не называйте его моим женихом! Это звучит пошло и по-мещански!

– А, так у него еще и никаких обязательств по отношению к вам! Удобно устроился!

– Можно подумать, – прошипела девица яростно, видимо, уязвленная в самый чувствительный уголок души, – что вы всегда были связаны обязательствами!

– Мне можно, – нахально парировал Тристан. – Итак, кого вы слышали?

– Я не знаю, – девушка вдруг затихла, взгляд ее остановился, будто она впала в оцепенение, как пророчица пифия. – Это было утром. Я только проснулась. Умылась. Хотела спуститься вниз, в столовую, к завтраку. Шла по коридору, как вдруг услышала разговор... Точнее, ссору. Они ссорились. Тот, что пришел – он, кажется, был ранен. Я слышала, как Майк повторяет «демон, демон!» так испуганно, словно гость вот-вот испустит дух у него прямо на ковре. А тот правда упал на пол. Ему было очень больно, всюду была кровь.

Девушка все глубже погружалась в транс.

Тристан осторожно отстранился от нее, поднял оброненную сигарету, тающую серой тонкой ленточкой дыма.

– Он обвинял Майкла в малодушии. Он говорил о суккубе, – девушка замолкла. Словно всматриваясь внутренним взором в воспоминания. – Он говорил, что суккуб очень сильна. Говорил, что она имеет все шансы вас соблазнить, но не сможет... Сказал – вы устоите. Непонятно, как, но устоите. Но это шанс... шанс вас достать. Убить. Напасть на ослабленного ее чарами, и убить.

– Зачем ему это? – спросил Тристан.

– Он сказал – так можно спасти его. Спасти меня. Он говорил, что если убить вас сейчас, то можно избежать того зла, что вы причините...

– Причину? – удивился Тристан.

– Он кричал: «Посмотри, что он сделал со мной! Посмотри! Это ждет тебя!»

«Ага, – подумал Тристан, – нашелся-таки раненный ослепленный демон!»

– Вы видели его лицо? Сможете его узнать?

– Его лицо, – механическим, безжизненным голосом произнесла она. – Да, я видела его лицо. Но оно было залито кровью и как будто бы опалено. Ужасное зрелище. Нет, я не смогу его узнать.

– Вы испугались, что ваш друг воспользуется советом его странного гостя?

– Да. Я знаю, такие раны может нанести только инквизитор, раскрывая крылья и бросая благословение в лицо демону. Я боялась за Майкла. Я думала – он пойдет в этот дом. Я думала, вы там с ним деретесь. Вы не представляете, чего мне стоило вам улыбаться, думая, что вы искалечили или даже убили его! Но на счастье, его там не было. Он не пошел... не пошел...

– Где живет ваш друг?

– Его дом не так просто найти. Это особняк на Зеленой улице, он стоит немного на отшибе. С главного входа это кажется небольшой гостиницей, а...

– Все ясно. Чары демона скрывают парадный вход.

– Да.

Девушка все это говорила бездушным, механическим голосом, и, казалось, была готова рассказать и о своей первой любви. А потому инквизитор поморщился, не готовый к ее откровениям, и кивнул Густаву.

– Достаточно. Отличная работа, Густав.

Оборотень, до того сидящий безмолвно и неподвижно, погасил призрачно сверкающие зеленые глаза, и девушка встрепенулась, словно очнувшись ото сна.

– Что тут происходило? – воскликнула она, оглядывая двух мужчин, запертых с ней в карете.

– Ничего из того, о чем вы сейчас подумали, – едко ответил Тристан. – Нам не нужна ни ваша честь, ни ваша добродетель. Не нужно так судорожно проверять застегивания. Я не силен в дамских туалетах. Застегивай я на вас пуговицы – обязательно что-нибудь напутал бы. Мы с вами просто поговорили, без дыбы и костров.

Лицо под вуалью пошло пунцовыми пятнами от злости.

– Вы гипнотизировали меня! Как вы посмели!

– Зато мы теперь точно знаем, что ваш друг не причем, – беспечно ответил Тристан. – И вы можете спать спокойно, Пока. Попросите его не слушать всяких странных друзей, и вам не о чем будет беспокоиться. Всего доброго!

Карета остановилась так резко, что девушка почти упала в объятия Тристана.

А тот, ловко распахнув перед ней дверцу, крутанул ее, как юлу, и она скатилась по ступенькам на мостовую, вертась, как волчок.

Со стороны это выглядело, будто ее вытолкали вшаей из экипажа, да по сути, это так и было.

Карета тронулась, и Тристан с усмешкой наблюдал из окна, как девица бесится и топает ногами.

– Вы ее обидели и оскорбили, – заметил верный Густав, тоже поглядывая назад, на исчезающую вдали фигуру девушки.

– Ничего, – беспечно ответил Тристан. – Зато не будет лезть куда попало. Глупая девчонка... Но вот кое с кем мне надо поговорить куда серьезнее, чем с этой девицей.

– Едем к мадам Софи? – спросил Густав, оживляясь.

– Да.

Глава 2. Темный дом

Тристан даже немного волновался, нажимая кнопку звонка и прислушиваясь к глубокому, низкому звуку колокола, возвещающему о приходе гостей.

Двери открылись почти сразу же, будто хозяйка поджидала Тристана. Однако, радости на ее лице заметно не было.

– Тристан? – холодно произнесла Софи, отступая вглубь холла и поправляя прическу, немного смущенно, немного растерянno, будто визит инквизитора был для нее небольшим, но потрясением. – Что тебе нужно?

Этот вопрос был задан, пожалуй, излишне эмоционально. Тристан, перешагнув через порог, небрежно расстегнул пуговицы своего пальто и, щуря глаза, словно в них бил слишком яркий свет, произнес:

– Я хотел бы поговорить с детьми. Можно?

– Ну, разумеется, – холодно ответила Софи. Обиделась; наверняка ждала, что Тристан скажет хоть слово о ней. Но он промолчал.

– Отличный день, мадам Софи! – жизнерадостно выкрикнул Густав из-за плеча Тристана, улыбаясь Софи во весь рот. Он действительно рад был видеть старинную приятельницу. А вот она его, кажется, нет. Тот факт, что Густав остался с Тристаном, встал под его знамена и принял инквизиторский сан, отчего-то сильно ранил самолюбие Софи. Она восприняла этот выбор старого друга предательством, и Густаву больше не радовалась.

Поэтому он, наткнувшись на ее холодный взгляд, притих, и улыбка его погасла.

– Позови сыновей, – распорядился Тристан, снимая пальто.

Софи молча приняла одежду и поморщилась: на плече ткань была разорвана суккубскими когтями.

– Я зашью, – так же холодно произнесла она, любовно приглаживая черную ткань.

– Благодарю, – произнес Тристан.

Софи не изменилась, не постарела ни на день. Она была все такой же прекрасной девушкой, какой Тристан ее встретил когда-то. Но вернувшаяся душа сделала ее другой – и эту другую женщину, узнав, Тристан не смог полюбить.

Она была не плоха; не зла и не порочна. Но другая.

– Что же тебе надо, Тристан? – спросила вдруг Софи, внимательно глянув на инквизитора. Так глубоко, что, казалось, рассмотрела всю его душу. – Почему ты все бегаешь, что ты ищешь?

Этот вопрос Софи уже задавала ему, когда Тристан вздумал уйти от нее. Этим же изумленным, непонимающим тоном. Что же тебе надо...

– Я ищу преступников, Софи, – будничным тоном ответил Тристан. – Я бегаю за преступниками. Давай обойдемся без сцен.

– Я подарила тебе то, что не смог подарить никто из твоих многочисленных любовниц. Я родила тебе сыновей. Этого мало, скажи? Неужто это для тебя ничего не значит?

– Софи! Дело ведь не в сыновьях. Любят не поэтому.

Софи лишь отрицательно кивнула головой.

– Ты снова влюблен, Тристан, – горько заметила она. – Я хорошо знаю этот твой взгляд. У тебя глаза горят упрямством и предвкушением. Ты еще не пробовал ее? Пришел ко мне, а все мысли о ней... Ты даже не видишь меня.

Софи внезапно шагнула вперед, обхватила инквизитора за шею, вдохнула аромат, исходящий от Тристана, и жадно прихватила губами его губы, словно целовывая с них запретную и желанную сладость.

– Нет, – шепнула она, через силу отрываясь от Тристана. – Не притрагивался... даже не целовал. Твои губы жаждут ее. Боже, как сладко их пробовать! Ты горишь от страсти, Тристан. Как в старые добрые времена. Кто она? Я думала, ты остыл навсегда. А тут такой юношеский пыл! Даже интересно стало на нее посмотреть.

Тристан удивленно изогнул бровь, расцепил руки женщины, обвивавшие его шею.

– Я дрался с суккубом, Софи, – как можно мягче ответил он, отстраняя от себя бывшую любовницу. – То, что ты увидела в моих глазах, не более чем остатки ее чар. Не выдумывай, Софи. И позови, наконец, близнецов! Мне нужно с ними более чем серьезно поговорить.

– Они что-то натворили? – нахмурилась женщина.

– Нет, конечно. Иначе б я не был так спокоен. Просто нужно кое-что обсудить.

– Пройди в кабинет, – велела Софи. – Там вам никто не мешает.

И она отошла, тихая, как тень.

Тристан, переведя дух, глянул на незаметного, тихого Густава, и тот пожал плечами:

– Старые чувства, – произнес он, изо всех сил стараясь выразить на своей подвижной физиономии сочувствие и понимание. – Они не прошли у мадам Софи. Она все еще ждет, что вы вернетесь. Это всегда тяжело.

...В кабинете Тристан привычно уселся за стол. Хотя тут и было безупречно чисто, он понял, что кабинетом никто не пользуется. Вероятно, потому, что все еще считают это его личным пространством. Ага, и трубку забытую из ящика не убрали и не выкинули. Тристан вынул ее, машинально набил табаком, который отыскался здесь же, в ящике стола, прикурил и выпустил душистое облако дыма.

«А она курит похожий табак, – вдруг подумал Тристан, вспоминая девицу и запах ее сигарет. – Если не точно такой же...»

За дверями послышался хохот и топот, словно стадо молодых слонят выбежало на прогулку, и Тристан невольно встал, волнуясь.

Дверь отрылась, и в кабинет вломилась пара юношей лет восемнадцати-двадцати, таких же белесых, как Тристан. Походка, стать, привычка гордо держать белокурую голову – у всех троих это было один в один, так похоже, словно отражение в зеркале. Природа всех троих наградила одинаковым недугом и одинаковой гордостью в чертах и достоинством в каждом движении.

Тристан казался старшим братом близнецам, а не отцом; огромная разница в возрасте была заметна лишь в его уставшем взгляде.

– Отец! – звонким юношеским голосом воскликнул один из них, спешно закрывая за собой дверь. Второй промолчал, но быстро прошел к инквизитору и горячо его обнял, словно не видел много лет и очень соскучился.

– Алекс, Рэй, – несмотря на то, что близнецы были его точнейшими копиями и похожи меж собой, как две капли воды, Тристан никогда не путал их. Он заглядывал в глаза сыновей и различал их по малейшей тени улыбки. Он обнимал их, совершенно счастливый, и даже позабыл, зачем пришел.

– Давно тебя не было, – тот, что запирает двери и которого Тристан назвал Рэем, солидно подал инквизитору руку и тот пожал узкую ладонь сына.

– Ты же знаешь, я стараюсь не напоминать лишний раз о себе твоей матери.

– Она о тебе и не забывает!

Тристан внезапно нахмурился, отстранил от себя сына и по очереди заглянул им в лицо, пытаясь отыскать какие-нибудь следы недавней драки.

– Что, что такое? – насторожился Алекс.

– Я просил вас хранить тайну, – резко произнес он. – И не раскрывать крыльев хотя бы до двадцати одного года. Демон, ваша мать убьет меня, если узнает, что я посвятил вас в инквизиторы!

– Пф-ф, – насмешливо выдохнул Рэй, шлепнувшись в кресло и небрежно закинув ногу на ногу. – Густав стал им еще раньше, разве нет? Сколько ему было? Семнадцать?

– Рано или поздно, но она это сделает, – сказал Алекс, не уточняя, что именно – убьет или убьет.

Юноша демонстративно вытянул из-за пазухи длинную серебряную цепь и поцеловал святой знак – раскрытые крылья.

– Но вы обещали, – сурово напомнил Тристан. – И что же?! До меня доходят слухи о драке, по городу рыщет обозленный и ослепленный демон, мстящий альбиносам, и он явно ранен святым благословением!

– И что же? – дерзко повторил Рэй, удачно копируя возмущенный тон отца. – Я тоже слышал все это. Но мы тут не причем. Это не мы.

– Правда? – едко заметил Тристан, опираясь руками о стол и яростно глядя на сыновей исподлобья. Взгляд этот не предвещал им ничего хорошего, но близнецы не ступали и не отвели глаз с разъяренного отца. – А кто же?

– Вероятно, вы, господин отец, – сияя довольной улыбкой, нахально ответил Рэй. – Это первое, что пришло ко мне в голову, когда по городу поползли слухи об убитых альбиносах и каком-то господине, который оплачивает их смерть.

– Даже так? – деланно удивился Тристан. – Не слишком ли много ты знаешь для нечастного к делу?

– Я инквизитор, ваша милость, – склонив голову, ответил языкастый Рэй. – Это моя работа – слышать и знать.

Слушая нахальные речи мальчишки, Тристан даже захлебнулся негодованием, но тут второй сын, Алекс, улыбнувшись, произнес:

– Отец, но мы действительно не причем. У нас ни у одного нет такой силы благословения, как у тебя, ты же знаешь. Даже если вдвоем – нет, у нас не выйдет ранить демона такого уровня. Это сделал инквизитор очень опытный и сильный, такой, как вы.

– Тогда я совершенно ничего не понимаю, – произнес озадаченный Тристан.

– Вероятно, вам самому нужно посмотреть на этого... демона, – мягко предложил Алекс. – Мать занята починкой вашего пальто. Некоторое время она... скажем так, не поднимется сюда и не застанет нас за чем-то, о чем ей знать не нужно.

– Она точно меня прихлопнет, – выдохнул Тристан. – Рэй, запри двери понадежнее. Алекс, ты уверен?..

Алекс смиренно кивнул.

– Да, ваша милость, – ответил он. – Я старался держаться в тени и не выдать себя, но я следил за подозрительными личностями. Я выследил. Поэтому вы, господин инквизитор, явившись сегодня сюда, пришли по адресу и в нужное время. Я готов помочь вам в расследовании этого дела!

– Немного черной магии во благо дела не повредит, думаю... Демон Микаэль. Все ниточки ведут к нему.

Юные инквизиторы явно не в первый раз ходили с отцом на дело. Да и Тристан принесся, скорее всего, не наказывать сыновей, а попросить их помощи.

Своеобразная игра, понятная только им троим.

И они готовы были оказать ему всяческое содействие.

Оба близнеца встали по разные стороны стола. Привычным движением руки, как опытный крупье, Алекс прочертил на сукне идеально ровный круг по часовой стрелке, и Рэй повторил его действие, рисуя круг против часовой.

Они действовали слаженно, неторопливо, одновременно, зеркально повторяя действия друг друга. За спинами их раскрылись крылья, подрагивая.

На пальцах Алекса, поблескивая, были надеты массивные перстни-наперстки, покрывающие всю последнюю фалангу каждого из пальцев и оканчивающиеся серебряным остро отточенным когтем. Этим когтем Алекс быстро и умело выписывал символы и слова заклятий, и они наливались огненным светом.

Рэй же в это же самое время выписывал слова заклятий на своей половине круга. Но он, в отличие от брата, не пользовался перстнями, рисовал пальцем, и его буквы были округлые и крупные в отличие от острых, угловатых букв, написанных братом.

Слаженно, одновременно, с зеркальной точностью.

Покончив с заклätьями, близнецы синхронно вынули колоды с картами Таро. У Алекса была колода со светлыми рубашками, у Рэя – с темными. Отзеркаливая друг друга, близнецы начали выкладывать карты по кругу, и, когда круг замкнулся, Алекс когтем подцепил первую карту и ловко перевернул их все, как домино, картинками вверх.

Круг вспыхнул ослепительно-алым светом, и оба близнеца распахнули крылья, гася нечистую магию своими крыльями.

– Смотри, – велел Алекс, поднимая голову. В глазах его отражался адский огонь, и он небрежно помешал когтистыми пальцами пламя в образовавшемся темном портале.

Тристан склонился над разверзшимся порталом.

В нем он увидел комнату, скорее всего – кабинет хозяина дома.

– Агрессивно настроенный господин, – усмехнулся Тристан, разглядывая коллекцию оружия на стене над камином, трофейные головы кабанов, оскаливших клыки, и красивые кинжалы, в изобилии лежащие всюду. – Подчеркивает свое мужество любовью к оружию?

– Если б он еще им умел пользоваться, – издевательски заметил Рэй.

Алекс не сказал ничего.

Кроткий, спокойный, страшный в своем умиротворении, он помешивал когтями клубящийся огонь в раскрывшемся портала, и скоро Тристан разглядел и самого хозяина дома, и свою недавнюю знакомую.

Притом то, что он увидел, очень ему не понравилось.

Тот, кого Алекс назвал Микаэлем, был похож на отчаянного столичного франта с черными, как ночь, набриолиненными волосами, гладко зачесанными назад.

Он был одет в короткий бархатный домашний халат поверх белоснежной сорочки, в наглаженные брюк и в дорогие ботинки. Его черные глаза – абсолютно пустые провалы на холеном лице. Чуть поблескивают в свете огня камина.

– Но он не ослеплен, – только и успел произнести Тристан, как чертов демон, небрежно затянувшись сигарой и сощуриль злые черные глаза, безо всякого предупреждения вlepил девушке пощечину. Она вскрикнула и отшатнулась, ухватившись за побитое место. Прическа ее рассыпалась, словно от удара из волос вылетело пару шпилек, и демон снова усмехнулся, вдыхая сигарный дым.

– Демонова задница! – вскричал потрясенный Рэй. – Женщину бьет!

– Как выражаешься, – одернул его брат. – Не оскверняй рот ругательствами.

– Подлая гулящая девка, – меж тем зло процедил демон, наслаждаясь тем, как на лице девушки расцветает вместе с красным пятном от удара выражение обиды, злости и униженности. – Я, кажется, просил тебя не выходит из дома?

– Я что, пленница? – грубо и дерзко огрызнулась девушка.

– Пленница? – усмехнулся демон. В один шаг он сократил расстояние между ними и грубо впился пальцами в ее лицо, поднимая его к себе за подбородок. Его руки тряслись от злости, как и его полный отвратительной злобы голос. – Ты хуже, чем пленница, ты – ничтожество, ты – никто, ты иждивенка! Ты сидишь на моей шее, ты одеваешься, ешь и пьешь за мой счет, ты живешь в моем доме! Ты мне обязана всем! Так что будь добра, не смей меня ослушиваться!

Его рука снова стала жесткой и жестокой, он оттолкнул девушку, причинив ей боль, и он вскрикнула, уцепившись руками за кресло, чтобы не упасть.

Ее злое сопротивление понравилось Тристану; то, как она демонстрировала свое презрение к избивающему ее мужчине, то, с каким упорством она показывала – «я не боюсь тебя!». И то, как упорно она пыталась устоять на ногах.

Не упасть.

Не оказаться на коленях.

– Не смей меня бить, мерзавец! – прорычала она, и в ее протянутую руку прыгнула волшебная палочка, которую она и наставила на демона.

Демон усмехнулся, глянул на наставленное на него магическое оружие.

– За эту дерзость, – произнес он медленно, гадко, – ты будешь наказана.

– Ты с ума сошел! – яростно выплюнула девушка, спешно поправляя падающие ей на глаза волосы. Палочка в ее руках дрожала, выписывая в воздухе круги. Страх все-таки предательски проблеснул в ее глазах и ее мучитель негромко и зловеще рассмеялся.

– Для начала, – негромко произнёс он, пассом руки отправляя волну магии в стену, – поупражняйся с тем, кто тебе равен!

Демон снова затянулся табачным дымом, и, небрежно сунув руки в карманы, двинул к выходу.

А кабаны головы со стеклянными глазами вдруг ожили, завопили. Их страшные, кроважные визги слились с громким хлопком двери. Перепуганная девушка озираясь по сторонам, глядя, как жуткие чудовища, разламывая стену, высвобождают свои огромные призрачные тела.

– Отец, – Алекс почти выкрикнул с мольбой это слово. Он не мог смотреть, как на отчаянную девушку нападали вызванные темной магией монстры.

Однако, его крик был не нужен.

Тристан и без мольбы сына решился. Тонким лезвием он прочертил алую полосу на ладони, и, крепко сжав кулак, занес его над порталом.

Его кровь закапала в черное небытие, и близнецы, ухватив портал, растянули его почти на весь стол. Проход стал реальным, запахло дымом из камина демона, долетела пыль от ломающихся стен, выпрыгнул на стол маленький камешек.

– В сторону, леди! – важно выкрикнул Рэй. Он первым уселся на стол, спустил ноги в раскрытый портал и спрыгнул в комнату, распахнув белые крылья и закрывая ими девушку.

В его руке оказалась шпага – узкий, светлый, новый клинок. Призрачный кабан с тяжелой темной головой высвободился из стены, окончательно разломав ее, и Рэй расхохотался, пребольно ужалив острием шпаги кинувшееся на него чудовище.

Глаза его горели азартом.

– Ну, давай! Нападай!

Молчаливый Алекс последовал за братом, так же распахнув крылья.

В своих серебряных когтистых пальцах он зажал несколько карт, которые на поверку оказались тонкими и прочными металлическими пластинами. Он метнул их по очереди, почти не размахиваясь, и три режущих плоскости распорили визжащее кроважное чудовище.

И последним спустился Тристан.

Мальчишки увлеченно принялись воевать с чучелами, отсекая своим оружием куски призрачных тел и голов, набитых опилками.

Сам же инквизитор шагнул к девушке.

– Это ваш дорогой и замечательный человек? – сквозь грохот свалки и драки прокричал он, защищая собой девушку от самозабвенно дерущихся близнецов.

– Какого черта вы делаете тут, инквизитор?! Вы что, следили за мной?!

– Он всегда вас бьет? – игнорируя вопрос девушки, спросил Тристан.

Мимо него, визжа, пролетел круглый диск с остро отточенными зубцами, как у пилы. Тристан едва успел оттолкнуть девушку и уклониться сам. Диск со скрежетом врезался в шкаф и глубоко застрял в благородном лакированном дереве.

– Нет, – изумленная, напуганная дракой, пролепетала девушка. – Он никогда, никогда раньше...

В них снова полетел яростно визжащий зубчатый диск, и они снова едва успели прыгнуть, а затем и вовсе отпрыгнуть с пути пикирующей отсеченной кабаньей головы.

Тристан прижал свою собеседницу к стене, сам вжался в нее, и под собой ощутил ее час-то часто вздымающуюся грудь. Девушка крепко зажмурилась, ее пальцы впились в одежду Тристана так крепко, будто этот жест мог спасти ее от всех бед мира. И это было очень трогательно и доверчиво.

Как ребенок, ищущий защиты...

Кабанья голова с грохотом и звоном разнесла застекленную дверцу шкафа, и все стихло.

– Только-то и делов, – раздался в тишине хвастливый голос Рэя.

– Смирение, скромность и достоинство, – кротко произнес Алекс, своей серебряно-когтистой рукой оправив волосы, растрепавшиеся после драки. Его кулон с крыльями выбился из-под одежды, и он аккуратно его вернул обратно, почтительно поцеловав перед этим. – Не стоит хвастаться напрасно. Все-таки, эта победа далась нам с некоторым трудом.

Рэй лишь усмехнулся, тряхнув белой головой.

– С трудом, – передразнил он благочестивого брата. – Сыграть партию в шахматы доставляет больше труда, чем...

Тристан не стал прислушиваться к препирательствам сыновей. Почти насильно оторвал от себя девушку, встряхнув ее как следует.

– Вам ничто не угрожает, – грубо сказал он. – Демоны-кровопийцы уничтожены. Вас ничто не ранит.

– О, магия всемогущая, у меня что, в глазах троится? – пролепетала девушка, с изумлением рассматривая поочередно то инквизитора, то его молодых подручных. – Вы умеете делать магические копии? Размножить себя, сколько угодно? Как вам удалось?

– Самым естественным способом, – огрызнулся Тристан. – Это не магические копии, это мои сыновья.

– Благодарю вас, инквизитор, – пробормотала она, выпуская его одежду из кое-как разжавшихся пальцев. – Вы и ваши... сыновья подросли вовремя. Если честно, то я не умею драться с магическими сущностями. Не думала, что скажу это, но я рада вас видеть больше... больше, чем Майка.

– За что он вас ударил? Что между вами произошло?

Девушка стыдливо опустила взгляд, и Тристан уловил тонкий, волнующий аромат духов, исходящий от нее.

Демон ее касался.

Оставил на ее коже запах, тот самый с феромонами!

«Вот отчего близнецы хвастаются, – сообразил Тристан. – Тоже учуяли этот запах и рисуются перед девчонкой!»

Он непроизвольно провел рукой по ее спине, как бы успокаивая, и в то же время реализуя свое неумное, до дрожи, желание коснуться этой девушки. Почувствовать под пальцами гладкость и тепло ее упругой кожи... Демон! Тристану показалось, что на языке он ощущает вкус ее острого, жесткого соска, всем телом ощущает, как девушка бьется, изнемогая. В голову лезли только эротические мысли. Стоило красотке лишь немного шевельнуться, как запах афродизиака распространялся от нее волнами, и нестерпимое желание накатывало все сильнее.

«Только этого не хватало!» – подумал Тристан.

– Он как с цепи сорвался, – доверительно и серьезно ответила девушка. – На миг мне показалось...

И она замолчала, нахмутив лоб.

– Что именно вам показалось? – нетерпеливо спросил Тристан. Чем быстрее они договорят и все выяснят, тем быстрее с этой девицей можно будет распрощаться и не желать ее так сильно... не представлять, каковы ее бедра, обтянутые чулками... или без чулок...

– Мне показалось, что он ревнует, – договорила девушка. – Меня к вам. Он просто взбесился! То, что я позволила себе говорить с вами, привело его в бешенство. Нет, хуже; он словно обезумел. Он говорил такие вещи, каких никогда не позволял себе...

Рассказать она не успела.

Двери раскрылись, и в комнату ввалился уже известный Тристану персонаж, Демон в уютном домашнем одеянии. На нем был все тот же халат и сияющие ботинки, но в руках его был арбалет, и его он нацеливал на инквизиторов по очереди.

– Какого дьявола, – сквозь зубы выругался хозяин дома, испепеляя взглядом своих черных глаз Тристана, – вы тут делаете? Это мой дом! И я вас сюда не приглашал!

– Инквизиторы приходят без приглашения, – ответил Тристан. – Они являются туда, где творится бесчинство.

Он зловеще шевельнул плечами, распуская белые крылья, закрывая ими и сыновей, и испуганную девушку. Демон усмехнулся, показав два ряда острых клыков.

– Это мой дом, – с нажимом повторил демон. – Здесь не затевалось ничего дурного, никакой черной магии, никаких жертвоприношений. Можете обыскать его сверху и донизу, проверить подвалы на предмет алтарей и крови девственниц! Поэтому ваше появление тут незаконно! Вломились, разнесли мой кабинет в пух и прах... Интересно, зачем я с вами разговариваю, если имею все права расстрелять вас, как бандитов и воров.

При этом заявлении в девушку, прячущуюся за спиной Тристана, словно злой дух вселился. С криком она выскочила у инквизитора из-за спины и едва не набросилась на хозяина дома с кулаками.

– Не затевалось? – яростно кричала она. – Да ты чуть не убил меня! Если б не эти господа!..

При виде этой растрепанной, с покрасневшей то удара щекой, девицы хозяин дома изменился в лице и невольно опустил свой арбалет, который, наверняка, стрелял не простыми стрелами.

– Диана, – произнес он, изумленный. – Что за вид?.. Что с твоим лицом?! Это они сделали? Они пытали тебя?!

– Ты еще спрашиваешь! – насмешливо фыркнула она, поворачиваясь к демону той стороной лица, на которой багровел кровоподтек. – Не нужно ломать комедию! Ты прекрасно знаешь, кто это сделал!

– Я должен это знать?

– Но ведь это ты ударил меня!

– Я?! – демон с затравленным видом посмотрел на зловещего молчаливого Тристана. – Нет, ничего подобного я не делал, это какая-то провокация! Господа, вы хотите меня убить? За что? Почему? Я даже с вами не знаком! Я не сделал ничего дурного! Это не я! Да любой суд меня оправдает! Это все заговор!

Девушка снова насмешливо фыркнула.

– Враль, да еще и трус! Ни минуты здесь не останусь! – выпалила она в лицо изумленному демону. – Господин инквизитор, будьте так любезны – приютите меня! Вы же не оставите жертву наедине с мучителем? Я сейчас же соберу свои вещи и переезжаю к вам!

Теперь настал черед Тристана удивляться.

– Что? – лицо его вытянулось. – Но это невозможно, я живу не один!

– А разве не вы говорили, что не женаты? Вот они, мужчины! Ну, ничего. Вашей супруге объясните, – деловито распорядилась девица, – что, как истинный рыцарь, вы не могли оставить меня наедине с мучителем! Это опасно! Она же женщина, она должна понять!

– Моей супруге? – машинально повторил Тристан.

– У его милости действительно нет супруги, – хихикнул зловерный Рэй. – Господин инквизитор снимает небольшую квартиру и делит ее с оборотнем, его помощником.

– О! – многозначительно протянула девушка. – Ваша милость! Это как-то несолидно.

Тристан мучительно покраснел:

– В самом деле, – ответил он. – У нас вам будет неудобно. Квартира совсем маленькая. Густав имеет обыкновение быть на луну по ночам. Иногда. А когда расследования его сильно утомляют, он, случается, приносит хороший, крепкий виски... С двумя мужчинами в одном доме – это неприлично. Что скажут люди?

– Они скажут, – так же ядовито хихикнул Рэй, – что вы там вдвоем предаетесь пороку и разврату. И если вашей репутации, господин отец, это все равно, то репутация дамы будет погублена окончательно и бесповоротно.

– Мне это все равно! – гневно выкрикнула девушка. – Я современная девушка! Я... я тоже могу быть помощницей его милости.

– Густав иногда водит девиц легкого поведения, – еще ядовитее заметил Рэй. Алекс скорбно вздохнул и завел глаза, старательно изображая вид, что молится.

– Пойдите, – взвился демон, откинув в сторону свой арбалет. – Никуда она не пойдет! Я могу в том поклясться, я не трогал ее! И не притронуся и пальцем, но...

– Ерунда, – безапелляционно заявила девица. – Я имею право выбирать, где мне жить! Лучше быть с оборотнем на луну и пить виски с его гулящими девицами, чем слушать ваши оскорбления!

– Они не только пьют, мисс, – хихикнул неугомонный Рэй.

– Все равно! – выкрикнула девушка. – Мне это все равно! Я требую защиты! Оборотни прекрасные охранники, он будет защищать меня от этого, – она смерила презрительным взглядом онемевшего от изумления демона, – проходимца!

– А спать вы с ним будете, на коврике? – терпеливо произнес Тристан. – Спальни у нас всего две. Моя и его. И в его комнате, кажется, даже кровати нет. А в свою я вас точно не пущу.

– Отчего? – совершенно искренне обиделась девушка, наивно хлопая ресницами.

Тристан поперхнулся. Что ответить на ее, казалось бы, невинный вопрос, он не знал.

Демон, наблюдающий этот маленький бунт своей подопечной, разозлился.

– Не забывай, – произнес он, сопя, как буйвол, – что я несу за тебя ответственность! Я обещал твоим родителям, что позабочусь о тебе и не позволю тебе пасть так низко, чтобы ты распивала виски с оборотнями и спала в постели у первого встречного! Я кормлю и одеваю тебя, я...

– То, что я ничтожество и иждивенка, я уже слышала, – небрежно ответила девица, поправляя растрепавшуюся прическу и направляясь к дверям. – Господа, немного подождите, я быстро.

– Нет! Я протестую! – вскричал демон, разъяренный. Он затопал ногами, яростно терзая пояс своего халата, но девушка его не слушала. Она словно нарочно дразнила его; мимо своего обидчика она прошла нарочито развязно, покачивая бедрами и всем своим видом демонстрируя свою готовность не только спать на коврике с Густавом, но и пуститься во все тяжкие.

– Девушка совершеннолетняя и самостоятельная, насколько я могу судить, – вмешался Тристан. – Вы не имеете права ее удерживать силой.

– Черта с два она самостоятельна! Черта с два! – прокричал демон. – У нее не сбережений, ни службы нет! На что она будет жить?!

– Есть сбережения, – подала девица голос из-за двери. – Еще как есть!

– Но в доме с двумя мужчинами...

– Есть недурные гостиницы, – подал голос кроткий Алекс. – Если девушка хочет съехать, она может снять там номер. Я могу сопроводить ее туда. И уверяю вас, никаких оборотней в ее постели не будет.

– Я вас провожу, – оживился Рэй. – Пожалуй, поймаю кэб.

Он небрежно прошел к окну, раскрыл его, и выпрыгнул на улицу, раскрыв широкие крылья. Алекс, вежливо поклонившись, последовал за девушкой.

Тристан и демон остались наедине.

– Даже не думайте, – предупредил Тристан, глядя, как демон посматривает в сторону арбалета. – Чем он у вас заряжен? Стрелами, выкованными из адской лавы? С серными наколками? Хотите наделать во мне дырок?

– Вы не отнимете у меня Диану! – прорычал демон злобно. – Не имеете права!

– Я и не собирался, – хладнокровно ответил тот.

– Думаешь, святоша, на тебя нет управы?! Я пожалуюсь Черной Герцогине! – злобно прыгнул демон. – И ты пожалеешь о том, что устроил этот спектакль?

Тристан удивленно вскинул бровь.

– Черная Герцогиня? – повторил он. – Кто это?

Демон зло сощурил свои пылающие глаза.

– Это не важно, – прошипел он. – Совершенно не важно. Когда узнаете, кто это, ваша милость, будет уже поздно.

– Вы мне угрожаете?

Тристан сделал всего лишь шаг по направлению к демону, но тот отпрыгнул, будто Тристан как минимум наставил свой меч, метя ему прямо в сердце.

В ладони демона разгорелся адский огонь, и демон изо всех сил швырнул его в свой арбалет, да так, что клубок пламени взорвал пол.

Раскрылся кипящий огнем портал, и демон, ни секунды не медля, прыгнул туда.

Тристана же взрывом подбросило и вышвырнуло в тот портал, через который он попал сюда.

Он вывалился на стол, со стола скатился на пол и закашлялся.

Серный едкий дым жег ему горло, на ковре тлели маленькие черные прожжённые дыры.

– Что тут происходит?!

В дверях стояла испуганная и шокированная Софи. Она починила пальто Тристана, и то было абсолютно как новое.

– Софи, ради бога, прости, – надсадно кашляя от едкого дыма, произнес Тристан, ладонями прибивая пламя на ковре. – Я прожег тебе ковер. Но я все возьму!

Софи, несомненно, была хорошо воспитана. Поэтому она промолчала об испорченном ковре, отосланных куда-то сыновьях, и предложила Тристану и Густаву остаться на ужин. А после ужина – и переночевать.

– Уже поздно, – нерешительно произнесла она, не уверенная, что он примет приглашение. – Ты наверняка устал. Можешь остаться у нас на ночь. Густава устроим в гостевой спальне. К тому же мальчишки хотели что-то тебе рассказать, но я велела им это оставить до утра.

– О, это было бы кстати! – обрадованный предложением Софи, отозвался оборотень. – Ужасно не хочется сейчас тащиться через весь город. Я бы прямо сейчас упал и уснул.

– Гостевая вся в твоём распоряжении, – сменив гнев на милость, ответила Софи. – если, конечно, его милость не имеет ничего против...

Тристан даже не улыбнулся, хотя угадал нехитрую уловку Софи.

В ее голосе теплилась надежда. Совсем крохотная, но все же.

Она хотела побыть с ним под одной крышей. Вероятно, поговорить. Еще вероятнее – соблазнить его, добиться желанной ласки, которой не было так давно.

Но зачем ходить вокруг да около?..

– Пожалуй, да, – ответил Тристан небрежно, вытирая салфеткой губы. – Останемся.

...Постель в спальне, когда-то бывшей общей спальней Тристана и Софи, была поистине королевской. Огромной, как теннисный корт, высокой и пышной. В такой постели можно было вольготно развалиться – или ворочаться всю ночь, но все равно не столкнуться.

Устраиваясь под одеялом, Тристан отчего-то вспомнил эти странно одинокие, молчаливые ночи. Странно, что это произошло именно с ним...

«Как со всеми людьми, – шепнул ему внутренний голос. – Люди, когда живут долго, остывают».

Неизвестно, что думала Софи, но, войдя в спальню и обнаружив в постели Тристана, она вздрогнула и безотчетным движением запахнула халат на груди.

– Что-то не так? – спокойно поинтересовался Тристан, вольготно закинув руки за голову.

– Нет, все в порядке, – промямлила Софи, заливаясь краской смущения. – Просто я отвыкла видеть тебя в нашей постели... не ожидала...

– Не ожидала? Странно. С твоим даром предвидения?

– Я стараюсь не смотреть в будущее, – кратко ответила Софи.

– Отчего же?

– Не хочу увидеть, как разбиваются вдребезги мои мечты и надежды.

Она прошла к кровати быстро, пожалуй, излишне быстро, потушила ночник и разделась в темноте, словно стыдясь, что Тристан может увидеть ее не одетой. Осторожно приподняла кончик одеяла и скользнула под него, сжимаясь в комочек, стараясь не задеть Тристана даже кончиком пальца.

Однако, вся ее осторожность была тщетна; стоило ей положить голову, как оказалось, что кладет она ее на плечо Тристану, и его горячие руки нетерпеливо смыкаются на ее теле.

– Что ты делаешь! – выкрикнула Софи отчаянно, упираясь руками в грудь Тристана и пытаясь оттолкнуть его. Сердце ее отчаянно заколотилось, Софи от волнения едва не подавилась дыханием, что плотным комком встало у нее в горле. Она думала, что их ночь будет полна неловких вздохов, недомолвок и не ожидала таких решительных действий со стороны Тристана.

– Загляни в ближайшее будущее, – прошептал Тристан, – и ты узнаешь, что я делаю.

Он прижался горячими губами к дрожащим губам Софи, придвинул ее, отчаянно прикрывающуюся от него руками, к себе ближе.

Ее окутало его жаром, его хищным желанием и неповторимым тонким, едва уловимым волшебным запахом – словно горсть золота в ладони. Софи слабо простонала, позволяя вовлечь себя в головокружительный поцелуй.

Его язык проник в ее рот, и она захлебнулась собственным стоном наслаждения, изо всех сил вцепившись в его белоснежные плечи, порывисто прижавшись к Тристану и скрывая свой вздох абсолютного блаженства и счастья.

– Можно жить без чего угодно, – пробормотала она, – но без твоих поцелуев можно только существовать.

Тристан был возбужден; разум его кипел, раздраженный нескромными мыслями о новой знакомой, что он спас от демона.

Желание женщины, ее тела, проскальзывало в каждом его движении, в каждом нетерпеливом вздохе, в каждой ласке, нестерпимо сладкой, почти смертельно, ядовито сладкой. Он целовал и целовал Софи так, что, казалось, сейчас душу из нее выпьет.

Он пил ее стоны и вздохи, он позволял ее дрожащим пальцам нырять в свои белоснежные волосы и ласкать его затылок, оставлять красные полосы на шее, на плечах.

И с каждым его поцелуем капля страсти проникала и в ее кровь. Софи уже не сопротивляясь его губам, она сама с нетерпением ловила их своими губами, касаясь и жадно выпивая страсть, которую она полагала предназначенной не себе...

– Но мне казалось, – слабо попыталась возразить она, пока ладони Тристана спускали с ее плеч тонкие кружева ее ночной рубашки, – что ты увлечен другой девушкой... Нет, постой! Я так не могу! Я видела новое чувство в твоих глазах!.. Не получилось с ней, решил на мне отыграться?! Я тебе что...

Тристан молча ухватил ее поперек туловища, крутнул резко, даже грубо, и Софи с громким «ах!» оказалась лежащей на животе.

– Посмотри в прошлое, – шепнул он ей на ухо, склоняясь к млеющей под его телом женщине, зарываясь лицом в ее волосы и наполняя их своим теплым дыханием, – и ты увидишь, что между ней и мной ничего не было.

– Отчего, – ревниво поинтересовалась Софи, позволяя, однако, исцеловать все свои плечи. – Не помню случая, чтоб ты не мог взять понравившуюся тебе девицу.

– Понравившуюся, – подчеркнул Тристан, жарко дыша, – а не ту, что под меня активно подкладывают. Мне не нравится, когда меня считают большим и жирным карасем, которого можно поймать вот так запросто, на самую банальную наживку.

– Что?!

– Поговорим об этом потом, – он с неудовольствием поморщился. – Для женщины, которая жаждала меня давно, и с нетерпением, ты слишком много болтаешь!

Тристан приподнялся, его ладони ласково скользнули по спине женщины – и почти сразу же рванули с треском ее красивое ночное одеяние, обнажая спину Софи. Словно наказывая ее за странную смесь упрямства и желания.

Софи со стоном уткнулась лицом в постель. Она вся дрожала пол руками и поцелуями Тристана, крепко зажмурилась и отгоняла прочь наплывающие видения.

– Скажи, что это не сон, – шепнула она.

– Ты видишь сны обо мне? – спросил он, крепко прикусив подрагивающую шейку женщины, и тут же поцеловав укушенное место. – Разве во сне бывает так?

Софи шумно ахнула, подчиняясь его хищным, острым ласкам.

– Иногда эти сны бывали очень реалистичны, – ответила Софи через силу, ощущая, как губы Тристана оставляют теплые дорожки мягких поцелуев вдоль ее позвоночника, распускающиеся теплыми пятнами на коже. – В них перемешивается твоя жестокость и твоя сладость...

– Ты же говорила, что я внимательный, ласковый и нежный любовник.

– Это было так давно...

Смешок Тристана слился с всхлипом Софи, которая всем телом последовала за его рукой, коснувшейся ее живота и нежно огладившей женщину между разведенных ног. Но он лишь коснулся ее мокрого лона и прекратил эту нежную, осторожную ласку, резанув по напряженным нервам Софи.

– Как же ты любишь мучить, Тристан Пилигрим...

– Я же инквизитор. Это моя работа.

Его ладонь снова легла на ее раскрытое лоно, ласка стала чувствительнее, дольше. Он гладил Софи, лаская ее гладкую кожу, ее влажные лепестки, ее сочащуюся влагой дырочку, и Софи едва не рыдала от этих желанных и прекрасных прикосновений. Она без стеснения виляла бедрами, ласкаясь сама о его руку, и громко выкрикнула, когда место руки занял член, напряженный, жесткий. Он проник в нее одним движением, сразу и глубоко, Тристан прижался к трепещущей женщине всем своим пылающим в огне страсти телом и выдохнул ей на ухо свое жаркое удовлетворение.

– Жарко, – выдохнула Софи. – С тобой всегда жарко...

Тристан не ответил.

Он двигался над телом Софи неспешно, нежно, мягко, лаская ее, окутывая ее коконом теплых, приятных ощущений. Софи почувствовала в его неспешных, чувствительных прикосновениях желание утешить ее; что-то вроде утешительного приза с оттенком жалости. От глубоких, чувствительных проникновений в ее тело у Софи голова шла кругом, но она нашла в себе силы взбрыкнуть, восстать против этой утешительной ласки.

– Не хочу, – попыталась солгать она, выгибая спину, стараясь высвободиться из ласковых рук Тристана.

Ответом ей был резкий толчок, пронзивший удовольствием все ее существо. Она выкрикнула, темпераментно и громко, и тут же ощутила его жесткие ладони на своих бедрах. Тристан ухватил ее грубо, жестко, впечатывая всю пятерню в ее мягкое тело, и толкнулся в ее тело еще раз, сильно, беспощадно, подчиняя себе.

– Ах-х-х-х, – шумно выдохнула Софи, комкая простынь, подчиняясь жестким рукам Тристана, сильным толчкам, от которых вздрагивало все ее тело.

– И так не хочешь? – мстительно прошептал Тристан, ухватывая Софи еще крепче, за талию, и продолжая ее насаживать на свой член изо всех сил, сильно, жестко, отрывистыми грубыми толчками.

– Чертов инквизитор! – корчась в накатывающем наслаждении, рычала Софи.

– Как ты меня назвала, грешница?

Тристан запустил руку в ее волосы, подхватил ее поперек вздрагивающего живота, рывком поднял ее, прижал к своей груди, продолжая жестко и даже жестоко ее трахать. Софи извивалась, словно жертва в огне пламени. Луна облизала бледным светом белые плечи Тристана, сделав его кожу похожей на начищенное до блеска серебро.

– Ну? Как ты назвала меня, повтори?

Софи дрожала, упрямо балансируя на грани наслаждения, сжимая бедра, отодвигая пик удовольствия. Тристан с удовольствием положил ладони на ее дрожащий живот, плотнее прижимая женщину к себе и чувствуя, как она упрямо сопротивляется его ласкам.

Ее бунт рассмешил его. Уткнувшись мокрым лбом в ее затылок, вслушиваясь в ее животные стоны и всхлипы, он безжалостно опустил руку, проник между трясущимися бедрами женщины и коснулся ее возбужденных губ, меж которыми двигался его напряженный член. Его чуткие пальцы отыскивали упругий клитор, осторожно прижали его, поглаживая, и Софи задрожала, как в лихорадке.

– Я тебе покажу, как дерзить инквизитору...

Безжалостные пальцы Тристана ласкали Софи слишком умело, слишком чувствительно. Как бы она ни сжимала бедра, как бы ни напрягала живот, оргазм пришел к ней очень быстро. Содрогаясь, извиваясь, она билась в руках Тристана, выкрикивая свое наслаждение, а он вжимался в ее тело, часто и быстро, желая присоединиться к ее наслаждению.

Глава 3. Черное Приглашение

С утра за завтраком собралась вся семья, как в старые добрые времена: Софи, Тристан, кроткий Алекс и шумный, подвижный Рэй. Ну, и Густав в качестве любимого гостя.

Близнецы были рады видеть с утра отца, Тристан казался беспечен и весел, а Софи, встречаясь с ним взглядом, стыдливо отводила глаза и кусала губы. Глаза ее были красны; видимо, Тристан не дал ей поспать этой ночью, но она не жалела.

– Ты обещал рассказать мне о той девушке, – Софи слегка нахмурила брови. Она как будто и не хотела задавать этот вопрос, но что-то ее беспокоило, царапало, и смолчать она не смогла. – Что значит – ее под тебя...

– Софи! – рыкнул Тристан, пожалуй, чрезмерно резко, но тут же смягчился, увидев, что Софи обиженно опустила глаза. – Не при детях.

Алекс промолчал, а Рэй насмешливо фыркнул.

– Ваша милость забывает, господин отец, – преувеличенно уважительным тоном напомнил он, пригубив чашечку с ароматным кофе, – что мы давно не дети. В наши годы, ваша милость, ваш отец, наш многоуважаемый дед, уже целовал вам руки за... ваши святые деяния. И на вашей руке уже красовался золотой палец, отсеченный в драке с...

Тристан многообещающе и красноречиво посмотрел на сына, и тот замок. Но выражение глумливой хитрости не сходило с его лица, и Тристан лишь прикрыл глаза, видя себя в сыне и, наконец-то, понимая, сколько бед хлебнули с ним самим в свое время его близкие.

Оставалось утешаться только тем, что без этих трудностей из него не вышло бы ничего стоящего. И он не стал бы тем, кем он является сейчас.

– Не важно, – неприязненно произнес Тристан, – кто и за что отсек мне палец. Отношения с барышнями – это не те темы, что можно обсуждать с сыновьями.

– Ничего, – огрызнулась Софи. – Сыновья в курсе, от кого они родились, и чего можно ожидать от отца, тоже осведомлены.

Эти слова разозлили Тристана. Он не сказал ни слова, отпивая из своей чашки кофе, но посмотрел на Софи так внимательно и так яростно, что сыновья со вздохом поднялись со своих мест, и, наскоро пробормотав слова благодарности за завтрак, поспешили уйти.

Густав, до того момента с удовольствием предающийся трапезе, примолк и перестал жевать, переводя взгляд с Тристана на Софи и обратно.

Назревал скандал.

– Так чего же можно от меня ожидать, по твоему мнению? – очень спокойно, с ледяным самообладанием, произнес Тристан. Все его движения стали преувеличенно аккуратными и выверенными, он поставил чашечку на блюдце так, что она не звякнула. Софи вспыхнула до корней волос, но почти сразу же взяла себя в руки.

– Если б я не смотрела в будущее, – ядовито произнесла она, – и не видела тебя!..

Этого краткого напоминания хватило, чтоб Тристан взорвался.

Его благостное настроение словно ветром сдуло; он подскочил, и его ярость магическим потоком рванула в разные стороны, сшибая стул, вдребезги разнося посуду, разорвав кофейник так, что кофе плеснулся на белоснежную скатерть некрасивым коричневым пятном.

– В этом твоя вина! – проорал он, багровея и тыча в сторону Софи пальцем. – Это ты увидела в своих чертовых видениях то, чего нет и не было, и все разрушила! Ты, черт тебя дери, ошиблась! Ошиблась! Твои видения неправильные и лживые! А ты им поверила, и, черт тебя дери, все разрушила своими истериками! Ты чертовски, безумно, слепо ревнива! Это невыносимо, это не сможет вынести ни один нормальный человек!

Софи аккуратно утерла губа салфеткой, на лице ее застыло нехорошее, насмешливое, холодное и злое выражение.

– Господин инквизитор, а вы не утратили вашего горячего испанского темперамента, – насмешливо произнесла она, глядя прозрачными зелеными глазами в его разъяренные и алые. – Так и не скажешь, что за этим бесстрастным, строгим фасадом пылают такие страсти!

– Ты! Ошиблась! – яростно выдохнул Тристан.

– Ты ни разу не сказал мне после этого, что любишь меня.

Тристан, пылая от гнева, яростно и упрямо сжал губы, словно боялся, что хоть одно слово из тех, что ждет Софи, выскользнет наружу. В этом был он весь – не сказать того, что от него требуют насильно. Нет. Даже в ущерб себе. Даже если нестерпимо больно.

– Ах, да. Я забыла! Ты же упрямый и гордый королевский сын. И первым не пойдешь на примирение. Даже если оно тебе нужно. Впрочем, нужно ли...

– Именно, – зло выдохнул Тристан. – Напоминай это себе почаще! Я – королевский сын, я не буду униженно просить прощения за то, чего не совершал, и доказывать, что ты нужна мне. Если ты этого не чувствуешь сама, то это не показать никакими силами!

– Ну, право же, мадам Софи, – подал несчастный голос Густав. – Я с его милостью уже давно. И никаких барышень, я могу в том поклясться...

Она ссорящихся яростно глянули на оборотня, и тот неловко замолк, втянув голову в плечи.

– Я, – злорадно выкрикнула Софи, теряя остатки самообладания, – не ошибаюсь! Все мои видения и предсказания сбылись, все! Даже мелкие! Даже самые ничтожные, все! И это сбудется!

– Что ты там видела, а, – зло шипел Тристан. Его руки яростно тискали скатерть, будто пытаясь ее сорвать со стола. Густав, заметив это, поспешно подхватил свою тарелку с завтраком, и в следующий миг все со стола – приборы и еда, – было сметено одним безжалостным рывком. Густав, грустно вздохнув, поставил тарелку на стол и продолжил трапезу, уже не обращая внимания на привычную ему темпераментную ссору бывших любовников.

– Будешь должен еще и за посуду, – заводясь еще больше, выкрикнула Софи. – Кроме прожженного ковра.

– Что-о-о ты видела...

– Видела тебя! – зло выкрикнула Софи. – Ты, черт тебя дери, трахал эту девку, даже не удосужившись снять свое чертово пальто и скинуть штаны! Просто вытащил свой чертов член! Притиснул ее в углу! И драл, как последнюю шлюху! Я видела, как мотаются ее чертовы ноги! Слышала, как она вопит под тобой! Видела, как ты дерешь и терзаешь ее! Видела, как тебе уносит остатки разума! Черт тебя дери, я тебя отлично знаю! Ты готов был оттрахать ее в рот, и в...

– Софи!!!

– Мадам Софи! – произнес Густав укоризненно, бросив ложку. – Я же завтракаю!

– Ты готов был поиметь ее одновременно во все дырки, – тяжело дыша, выплонула Софи, глядя яростно горящими глазами на Тристана. – Видно, сожалел, что член у тебя только один. Хотел пометить своим запахом, своим семенем всю. Растерзать. Разорвать. Заставить орать. Причинить ей боль, лишь бы покорить себе. Я знаю тебя, Тристан Зимородок. Ты хотел ее. Так же фанатично и неистово хотел, как жаждешь справедливости. Так же яростно, как хочешь быть выше всех. Так же искренне, как хочешь жить и дышать. Я видела тебя по-настоящему, одержимо и безумно, влюбленным. И этого зрелища я пережить не могу. И жить с тобой в мире и согласии в ожидании того, как ты вспыхнешь такой безумной любовью к женщине, я не могу!

Тристан смолчал. Только на лице его выписалось иступленное, почти безумное выражение.

– И теперь ты говоришь мне о девице, которую под тебя умело подкладывают...

– Но это действительно так! – взревел Тристан. – Чертов демон ведет какую-то странную игру! Эта дама появилась в тот момент, когда я еще не отошел от заклятий суккуба, вся политая афродизиаком! Что я должен был подумать?!

– И ты пальцем ее не тронул, – насмешливо фыркнула Софи.

– Именно так! – выкрикнул Тристан. – Я! Не! Тронул! Ее! Но я не могу ее бросить, не могу отойти в сторону, потому что мне сказали – ее гарантированно разорвут на куски! Этот пропахший серой говнюк пригрозил мне, что пожалуется какой-то Черной Герцогине, которая держит в своих руках поводки всех чернокнижной своры нечестивцев, и девчонке просто настанет конец!

– Кому?! – изумленно протянула Софи, вмиг затихнув.

В ее прозрачных зеленых глазах светилось такое изумление, что Тристану послышался легкий звон магии. И он насторожился.

– Ты что-то знаешь о ней? – быстро спросил он. – Кто это? Ты ведьма, притом магия твоя черна. Ты должна знать, о ком идет речь!

– Да откуда же мне знать, – Софи казалась озадаченной. – Такие пафосные имена дают старым, давно забытым персонажам из легенд...

– Но я почувствовал, как ты напряглась! – не отступал Тристан. – Тебя словно кольнуло что-то! Говори!

– Кольнуло! – яростно закричала Софи. – Конечно, кольнуло! Девчонка, потом герцогиня... это означает, что возле тебя будет тереться еще одна баба! Сколько их может быть?! Это невозможно, невозможно терпеть!

– Безумная ревнивица! – заорал Тристан.

– Похотливый потаскун! – в ответ ему выкрикнула Софи.

– Спасибо, мадам Софи, все было очень вкусно! – произнес вежливый оборотень, промокая губы салфеткой.

Тристан и Густав решили немного прогуляться, чтобы развеялись недобрые чувства после учиненного скандала. Но не успели они и пары улиц пройти, как их обогнал экипаж, слишком странный и дорогой, чтобы на него можно было не обращать внимания.

На вид это была бы совершенно обычная конная повозка с той лишь разницей, что лошади в нее впряжено не было.

– Новейшая паровая машина, ваша милость, – угодливо подсказал Густав, рассматривая, как экипаж останавливается у обочины и его лакированная дверца открывается. – Забавная вещь, правда? Давайте такую заведем. Говорят, она работает на воде. Заливаешь в бак ведро, и можно кататься весь день.

– Я слишком стар для этих новомодных штук, – огрызнулся Тристан.

– Ну, уж – стар! За рулем могу быть я. А вы, ваша милость, с комфортом можете устроиться на пассажирском сидении и смотреть на проплывающие пейзажи. Как было б здорово!

С этими словами они поравнялись с экипажем, откуда, надо отметить, вылез презабавный и престранный тип.

Роста он был небольшого, телосложения крепкого. Широкозадый, как самая толстая кумушка. Какой-то несуразный, словно корявый обрубок бревна на ножках. Лицо у неизвестного было самого отталкивающего вида; широкое, как у бульдога, с резкими и грубыми чертами, словно вырубленными топором из сырого, тяжелого и вязкого дерева. Ни дать, ни взять – разбойник, каторжник.

Однако, одет он был очень хорошо, дорого, во фрак и лаковые ботинки. Его фрачная грудь слепила белизной манишки, на руках были надеты белые перчатки, видимо, чтобы скрыть корявые, грубые пальцы. Фалды его фрака торжественно и аккуратно лежали на оттопыренной заднице.

В руках этот странный тип держал цилиндр, который почтительно стащил с напмаженных, блестящих черных волос при приближении Тристана.

– Ваша милость, – и голос у этого странного человека был грубый, как лай бульдога. Он заступил Тристану и Густаву дорогу, прыгнув бочком, как краб, и те вынуждены были остановиться. – Позвольте вам передать приглашение к даме. Сегодня вечером она будет ждать вас у себя в загородном доме. И вам бы лучше всего поспешить привести себя в порядок. Негоже являться перед уважаемой женщиной помятым, с серым лицом и красными глазами. Только глаза вам надо будет завязать. Дом моей госпожи не проходной двор, она сама хочет остаться неузнанной.

Однако!

С изумлением подумал Тристан, что уже давно никто не осмеливался раскрывать рот, чтобы прочесть нравоучений по поводу его внешнего вида. А этот посланник, значит, думает, что имеет такие права?! Так сильно переживает за то, чтоб вид Тристана не оскорбил взгляда уважаемой дамы?!

Посланник молча ждал ответа.

Его черные крохотные глазки, словно два буравчика, так и сверлили Тристана, неулыбчивый, большой рот, словно у сердитой жабы, кривился в недоброй гримасе. Так, словно этому странному посыльному неприятно было находиться рядом с Тристаном. Но из уважения к пославшей его даме он держит себя в руках и ведет себя более чем почтительно.

– Побраться б не мешало, – заметил Густав, почесав подбородок.

Но Тристан был иного мнения.

– К даме? – преувеличенно удивлённо переспросил он у странного посыльного. – Однако, нынче пошли очень смелые и дерзкие дамы. Снимают кавалеров на улице. Но я не из тех мужчин, что ходят к ним по единому их зову. Вы ошиблись, милейший. Поищите ей на вечер кавалера попроще.

И Тристан сделал попытку обойти коротышку.

Но тут произошло невиданное.

Коротышка, которого инквизитор небрежно отодвинул плечом, вдруг вцепился в рукав пальто Тристана, и тут уже у Густава округлились глаза, словно самая полная луна. Он впервые видел, чтобы кто-то даму боялся больше, чем инквизиторского гнева.

– Я не ошибся, Тристан Пилигрим, младший Зимородок! Эта дама не из тех, кому отказывают, – грубо пролаял коротышка. Его крепкая, как стальной капкан, клешня, похожая на корявые корни старого дерева, затянута в белую перчатку, крепко удерживала Тристана за запястье, и тот даже поморщился от боли. – Коли не хотите зайти домой, освежиться, вы пойдете со мной сейчас же, ваша милость, или мне придется связать и вести вас силой.

– А ну, пусти инквизитора, сволочь! – выкрикнул изумленный Густав, и почти сразу покатился по мостовой, весь с ног до головы закутанный в кокон из серых, драных и лохматых шелковых нитей.

– Ах ты, паучара... – проорал Густав, барахтаясь на мостовой и раздирая клейкие длинные нити,

Инквизитор же не сказал ни слова.

Но одного движения крылом было достаточно, чтоб вцепившийся в его руку Ткач Саванов с криком отлетел от Тристана и запрыгал по тротуару, словно мяч, на своей объемной мягкой заднице, расплескивая быстро застывающие на воздухе шелковые паучьи нити.

Красные глаза инквизитора запылали еще ярче, словно раскаляясь от гнева.

Кряхтя и стеная, Ткач поднялся на свои кривые, мощные ноги. Тристан все так же молча, зловеще вскинул руку в сторону противника, посылая такую мощную волну магии, что, сорвавшись с белоснежных кончиков тонких инквизиторских пальцев, она заставила кипеть воздух.

А докатившись до паука, с такой силой ударила его в грудь, что тот харкнул кровью, дважды перевернулся в воздухе через голову, и рухнул на брусчатку.

Его белоснежная манишка лопнула, вывалилась наружу черная волосатая грудь, похожая на бок хищного паука тарантула.

Избитый и истрепанный, Ткач с трудом поднялся. Его красивый костюм был приведен в негодность, испачкан и порван, лицо окровавлено.

– Демоново отродье, – яростно выдохнул Тристан, складывая крылья и встряхивая кистью, которую человек-паук помял более чем чувствительно. – Вы тут в конец распоясались, если гнева инквизиторского не боитесь?! Ты что, думал, я буду с тобой драться? Прошли те времена, когда я бегал за вами с мечом. Достаточно будет с тебя и магии.

– Ты постарел, Зимородок, – хрипло произнес Ткач и расхохотался. – Стал слабым и ленивым. Огонь твой погас.

Тристан смолчал и сейчас.

Просто еще раз тряхнул рукой в сторону неугомонного Ткача, и тот с воплем подлетел в воздух, крутанувшись, как веретено, вокруг своей оси, и рухнул на брусчатку со всего маха, отбив добрую половину туловища.

– А ты что, погреться планировал? – огрызнулся рассвирепевший Тристан. – Так я тебе не печка.

Ткач снова попытался поднять, и это ему даже удалось.

– Нечисто играешь, инквизитор, – прохрипел он, ухмыляясь. Он стоял на слабых нетвёрдых ногах, вихляясь, как марионетка. Его кровоточащий рот растянулся, из уголков его, как черные зубы, вылезли загнутые хищные жвала.

Тристан знал, что может стать, если эти жвала вонзятся в тело. Яд Ткача причиняет очень много боли; в крови словно огонь разгорается и пожирает тебя изнутри...

– Я с тобой не играю!

Следующий удар магии снова подкинул паука в воздух и лишил его всяческого человеческого образа. Костюм разлезся по швам, в рукавах и штанинах обнаружили дополнительные пары конечностей.

– Мозгов в твоей уродливой голове меньше, чем задница воробья! Ты думаешь, я прожил столько лет и ничему не научился?

Паук ворочался на земле, старался встать, но трясущиеся ноги его разъезжались. Да еще и инквизитор добавил масла в огонь. Позабыв об всяких приличиях, он вскочил на спину паука, умело заламывая ему руки за спину, собирая в пучок все четыре ладони с отвратительными волосатыми пальцами.

– Кто-то поедет сегодня в королевскую тюрьму, – зловеще пыхтел Тристан, связывая Ткача его же лохматыми липкими нитями, которые выплеснулись из паучьего нутра на мостовую.

– Лучше в ад! – скрежетал паук, дрыгаясь и извиваясь. Его волосатое черное брюхо было дрябло и пусто, и как бы он не старался, как бы не извивался и не тужился, больше нитей исторгнуть из себя не мог.

– Ну, в ад, так в ад, – покладисто ответил Тристан.

Он почти закончил связывать руки своему сопернику, почти доломал его сопротивление, как вдруг Густав заорал, завыл не по-человечески, и из respectable костюма одним рывком мощных лап выпрыгнул оборотень, огромный и лохматый волчище.

Тристан только и успел, что оглянуться.

Густав в одном прыжке достиг брыкающегося паука и оседлавшего его Тристана и злобно впился зубами в огромное жало, которое коварный паук нацеливал в спину Тристану, задирая выше и выше свою порядком помятую задницу.

– О, так у нас тут еще и дама, – со смешком произнес Тристан, справившись, наконец, с Ткачом. – Тогда понятно, откуда такое почтение к неизвестной. Женская солидарность. А самки-Ткачи всегда славились мужененавистничеством. Что вы обычно делаете с мужчинами, убитыми исподтишка?

– Они едят их, ваша милость, – угодливо прорычал Густав, придавив лапами жало к земле.

– О, так наша подружка, – Тристан встряхнул обмякшего Ткача, – вероятно, еще и в положении и ждет много, много таких же волосатых и уродливых, отличных и крепких паучат, как она сама! Это объясняет ее агрессию. Иного объяснения тому, что она кинулась в драку, я не вижу. Так что будем к ней внимательны и нежны. Густав, твоя помощь неоценима. Как славно, что амулет при тебе! Если б не ты, она пробила бы мне дыру в спине, выворотив пару позвонков. Но твоя одежда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.